

АНДРЕЙ ДЕТКИН

ФАЭРЫБЫ

18+

ЦИКЛ ДОЛГАЯ ДОРОГА В ЗОНУ

Андрей Деткин

Фазерботы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69387829

SelfPub; 2023

Аннотация

Фаза, командир звена не мог вспомнить, когда экспедиция складывалась так неудачно. Неприятности начались за несколько дней до рейда: блатарь напился, двоих ветеранов перевели в инструктора, взамен всучили «салажих зелепанов», вместо опытного врача является престарелый медбрат из «шпиталя», яйцеголовые вздумали тащить с собой самоходку, да к тому же «Карл» трижды ложится «рубашкой» вверх. Все наперекосяк. Но, несмотря на неудачи и потери, экспедиция все же достигает цели. Стоит ли она того? Решать тебе, дорогой читатель. Цикл: «Дальняя дорога в Зону». 1 книга «Фазерботы», 2 книга «Контролер».

Содержание

Глава 1. Не зная броду	4
Глава 2. Урок	15
Глава 3. Тревожный маршрут	25
Глава 4. Все не так	34
Глава 5. Первые неприятности	41
Глава 6. Синька	52
Глава 7. На барже	67
Глава 8. Дом рыбака	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Андрей Деткин

Фазерботы

Глава 1. Не зная броду

– Ну, что, скакун ретивый? Добегался? – сержант сдвинул ПНВ на лоб, включил фонарь. Яркий круг света уперся в бледную попачканную землей физиономию. Кепи задралась на затылок, из-под нее выглядывал треугольник коротко стриженных волос. Кадык ходил вверх-вниз, натягивая тонкую кожу, словно тупой нож полиэтиленовую пленку. Парень ежесекундно вздрагивал и гримасничал. Испуганные глаза навывкате, косили на звеньевого, как лошадь на волка.

Ядовитый «карачун» одним отростком оплел ноги поверх брюк тренировочной формы, другим забрался на плечо и теперь полз под воротник куртки. Его корявый стебель с тонкими, как пика листьями, с крючковатыми отростками на фоне бледной шеи выглядел замысловатой готической наколкой, если бы оставался не подвижным.

Сержант оторвался от созерцания полупокойника, выключил фонарь, опустил на глаза прибор ночного видения, осмотрелся. Справа, слева на удалении двухсот метров неторопливо, осторожно двигались фигурки с оружием.

Грозный перестук крупнокалиберов с кордона раскалы-

вал ночь, предупреждал всех – заслон стоит, и Зона пока еще не сдвинулась. Время от времени темнота рождала жуткие завывания, хрюканье, предсмертные пiski, скрежет, шипение... Беспокоили взрыкивания со стороны свалки и ответные из развалин коровника.

Все, как всегда. Зона не тратит время на сон, неустанно кромсает, ломает, потрошит и калечит. Никогда бы налегке, как этот придурок, по доброй воле сержант не вышел бы за ворота лагеря после захода солнца. Он небезосновательно беспокоился за себя и своих «фазерботов». Но как бы ни спешил вернуться под защиту заборов и пулеметных вышек, отказать себе в удовольствии провести воспитательную работу по «горяченькому», не мог.

Убедившись, что никого поблизости нет, сержант снова поднял «ночник», перевесил автомат за спину, опустился на корточки, взял с земли фонарь беглеца. Быстро взглянул на тусклый луч, который собственно, и помог обнаружить владельца. «Лошара, даже подготовиться, как следует не смог».

– Чего молчишь, Пижон? Слов не находишь в оправданье? Эко тебя колбасит, копать – хоронить. Продрог, что ли, дружище? Не слышу. Ах да, «карачун», – сержант печально покачал головой, протянул руку и с усилием, словно леску, оторвал крючковатый стебель, подбирающийся к губам парня.

Цветок хищника распускается в полуметре над

землей и вытягивает длинный иглоподобный пестик. Он жалит жертву, обездвиживает ядом, пока та умирает, стебли колонизируют тело для новой «грядки». Хотя «карачун» редкая травка, его трудно не заметить. Белые с ярко-оранжевыми пятнами, словно проступивший яд, лепестки бросаются в глаза. Ночью, конечно, этого не видно, тем боле с говенным фонариком. «Куда он собрался? На кордон? Придурок».

Сержант оторвал еще один стебель, который заполз-таки под воротник. Шипастые отростки в его пальцах блестели мокрым, на шее парня застыл красный мазок. «Прорастает». Пижон страдальчески кривился и стонал. Звеньевой усмехнулся, отбросил стебель: «Надо бы присовокупить к допросу с пристрастием». В голове возник цветочный горшок с распустившимся «правдоделом».

– Если слышишь, кивни, – сказал он, склоняясь ниже к Пижону.

Тот лишь моргнул.

– Ладно, сойдет и так. Слушай сюда, скотинка не благодарная, и не перебивай. Здесь бежать некуда. Тем более, таким, как ты. Это Зона, салажий ты зелепан. Думаешь, на кордоне пропустят? Хрена с два. Тебя искромсают в кашу, как любого другого мутанта. Мы тут на птичьих правах. Никто о нас знать не знает, тем более вэвэшники. Им по фиг кого свинцом шпиговать. Я бы тебя, придурка, бросил, но есть обстоятельства... И главное – ты мне должен. Много должен. Пока не рассчитаешься, я тебя – дербма кусок, никуда не от-

пушу, – сержант протянул руку, оборвал росток, наострившийся Пижону в нос. Парень продолжал часто сглатывать и трястись. Звеньевой догадывался, хищные стебли нашли дорожку к телу и уже делают свое дело. Он даже был рад этому, рад той боли, которую испытывал беглец. Огорчало, что слушает его не в полной мере. Тем не менее продолжал говорить в надежде, что хоть небольшое задержится в бритой голове.

– Чтобы тебе было неповадно впредь бегать, герой гомексов, преподам тебе урок. В моей аптечке имеется антидот и тебе, как ты, наверное, уже догадался, умереть не дам, – сержант говорил не спеша, вкрадчиво, время от времени стрелял взглядом по сторонам и прислушивался к свирепой темноте. – Только использую не сразу. Дам тебе прочувствовать..., – он заметил как, в судороге затряслась левая рука парня, пальцы на ней нервно зашевелились.

– Что такое? – без капли сострадания поинтересовался звеньевой.

Под кожей на шее сине-зеленая венка пробивала себе дорожку вверх к уху. Чтобы рассмотреть лучше сержант сместил луч и приблизил фонарь.

Лишь на первый взгляд вздувшаяся волнистая дорожка, тянущаяся из-под воротничка, походила на кровеносный сосуд. – Э-э-э... – не спешил с выводами и все рассматривал паразита. Словно червяк, стебель подбирался, подтягивался, утолщался, затем переднюю часть проталкивал вперед, то ли по вене, то ли искал проход в подкожном

пространстве. Вытягивался, утончался, затем из него вылезали крошечные крючки, которые цеплялись за плоть, отчего та морщилась, словно капроновый чулок на зацепке, и подтягивал остальное тело. Снова утолщался... – э-э-э, – раздумывал сержант, затем сморгнул и продолжил, – почувствовать весь спектр чувств. Как-то по-дурацки – почувствовать чувства. Почувствовать всю палитру переживаний, – сержант неотрывно смотрел на процесс прорастания. – Да, именно так. Почувствовать, мать твою, что такое Зона, кем и чем она заселена. Чтобы раз и навсегда зарубил себе на носу, в следующий раз я могу рядом не оказаться или пройду мимо. И помни, – он спешил сказать что хотел, так как Пижон выглядел, мягко говоря, не бодро, – язык распустишь – подрежу, никакая мамахин не спасет. Тем более...

Пижон простонал, тяжело выдохнул, глаза его закрылись, он перестал дрожать и обмяк.

– Копать – хоронить, – зло процедил сержант, – с воспиталочкой подзатынул.

Быстро достал аптечку, извлек из ячейки шприц-тюбик, вколол в предплечье Пижону. Тот никак не отреагировал. Сержант отбросил использованный инструмент, вытащил из подсумка сигнальную ракету, отвинтил защитный колпачок, дернул вытяжной шнур. Осветительный заряд стремительно помчался к небу, в вышине распустился ярким бутоном. – Пока я звеньевой никто из «фазерботов» не обнулится, – проговорил он, внимательно глядя в бледное лицо и

выискивая перемены к лучшему.

Затем перевернул Пижона на живот, принялся ножом перерезать тянущиеся из брючин, рукавов и уходящие в землю упругие, словно жилы, стебли. Увидел придавленный цветок, который собственно и обездвижил ротозея. Он лежал на земле сплюснутый и вялый.

– Чё? Жив? – здоровый, под два метра ростом, с широким лицом, с выдающимся брюшком стрелок спрашивал у сержанта, не предпринимая каких-либо действий в оказании помощи человеку на земле.

– Пока да. Надо быстро его в «шпиталь», – Фаза выпрямился, непрестанно вглядываясь в лицо парня, убрал нож. Не считая сержанта и здоровяка, Пижон приковывал внимание еще трех спецназовцев.

– Достанется же тебе от Нагибауэра, если козлячий гикнется, – послышался насмешливый голос справа.

– Не каркай, Седой, – звеньевой стрельнул взглядом по расхлестанному худощавому стрелку в расстегнутой до пупа куртке, без головного убора, с кривой усмешкой на физиономии. Собирались в спешке, по-тихому. В иной ситуации сержант не преминул бы «вздрючить» наглеца, но сейчас был не иной случай. Выходили через второе КПП. Чек пропустил без заусенцев, вполне удовлетворившись словами сержанта о тренировочном процессе. Старший наряда, разумеется, видел тренируемых и даже поздоровался с некоторыми «старичками». Он смекал, что дрессировать их неза-

чем, но возбуждать не стал, мало ли куда надо. В следующий раз ему приспичит отлучиться, а Фаза окажется дежурным.

– Рама, хватай его, и двигаем в обратку, – только сержант это сказал, как справа в темноте метрах в двадцати послышалось хрюканье. Фаза выключил фонарь. Все напряглись, повернули головы и стволы в ту сторону. Минуту-другую через «ночники» наблюдали, как в зеленоватой гати, по склону не спеша рысит, ярко отсвечивая глазами здоровенный хряк. Едва мутант скрылся за холмом, сержант продолжил:

– Давай, Рама, не тормози.

– А чё я? – заупрямился здоровяк, я – уже ручник волоку. Пускай Кишлак поусерается он с «винторезом».

– На хрен ты пулемет схватил? Мы что, на дальняк двинули? – скрежетал Фаза.

– Дело было не в бобине – бугага сидел в кабине, – осклабился Седой.

– Ща как вломлю и плевать, что двоих придется тащить, – амбал сжал, оканчивающие предплечья, кувалдометры.

– Завалили все, – зашипел Фаза, зверея лицом, – Седой берешь ручник, Рама Пижона. Кишлак на нос, я по тылам, Чилим на подхвате. И ходу.

Все зашевелились. Быстро молча огрузились, перестроились, двинули к лагерю.

Кругом по-прежнему завывало, рычало, визжало, булькало.... «Как в «комнате ужасов», – думал Фаза, постоянно озираясь и вслушиваясь в ритмичное пощелкивание дозимет-

ра, – к такому фиг привыкнешь». Сквозь зеленоватую завесу увидел, как вдалеке ярко вспыхнула «электра». Ждал предсмертного вопля, но его не последовало. «Наповал», констатировал сержант.

– Уходило пятеро, вернулось шестеро, – Чек прикурил предложенную Фазой сигарету.

– Если что, ты нас не видел, – говорил сержант, склоняясь к уху дежурному и искоса поглядывая на двух помощников, увлеченных нардами, – за мной не заржавеет.

– Бегляночка? – Чек кивнул в сторону удаляющегося Рама с телом на плече.

– Нет, – открестился Фаза, – посвящение у нас такое. Новенького обкатываем.

– А-а-а, – протянул дежурный, – я уж, грешным делом, подумал тренировочный процесс, а у вас посвящение, значит, – поскреб щеку, продолжая смотреть вслед Раме, который большим кругом оббежал тусклый фонарь над подъездом казармы и через секунду растаял в темноте. – Мне на «зауэр» тугра не хватает. Послезавтра собираюсь на «материк», не займешь?

– Сколько? – Фаза уронил окурок, придавил берцем.

– Так, мелочь, – Чек скривился, – пару сотен.

– Договорились, – буркнул сержант и поспешил развязной трусцой за «фазерботами». Так, он их называл не всегда. Для команды, которую тренировал не первый день и даже не месяц, у него имелась специальная номенклатура, в зависимо-

сти от настроения и успехов подчиненных. Если раздражался, к примеру, плохими результатами на кроссе или невнятной стрельбой в тире выкатывал локомотивом: «вонючки», «ванилины», «драные канарейки», «пукемоны» и к ним цеплял вагоны с матами-батутами. Если же «ягодичный стрём» по полосе препятствий укладывался в нормативы, подбадривал «потными щечками» и «зондерами».

Фаза берег парней и даже любил, но такой любовью, как, к примеру, байкер свой чоппер. Доводит до ума двигатель, скрупулезно регулирует подвеску, каждый скрип – что ножом по сердцу, резина – огонь, все смазано, подтянуто, расходники – лучшего качества. Он холит и лелеет железного коня, но только чтобы самому красоваться на нем и обгонять других.

Если же случалось «рачить» у Нагибауэру за подчиненного, по возвращении драл виновного нещадно, а порой и всех разом. «Меня одного на вас не хватит, – поговаривал он, прохаживаясь вдоль турников с пыхтящими от напряжения телами, – так что присматривайте, гребаные ванилины, друг за дружкой. Иначе станете очень сильными и выносливыми».

Редко, всего трижды сержант отправлял грешника к «Потемкину» – в железный кессон под гаражом. И дважды такой чести удостоивался блатарь Седой – подлый, бесшабашный, упертый ублюдок. Любитель пнуть упавшего, съехидничать при удобном случае, поэтому вечно с разбитой физиономи-

ей. Фаза не был уверен, испытывает ли тот боль, от побоев? Порой казалось даже наоборот. Псих – одним словом. А еще падок на тугрики. Но при всем при этом смелый, отменный стрелок, в рейдах дисциплинирован, умеет работать в команде. И все же не за это Фаза терпел его.

Рома-Рама-Пилорама незаменимый тяж. Основная огневая мощь зиждилась на его могучих трапециях и дельтах. Пулемет, мины, боеприпасы, сублимат на все звено он волок, как исправный мулл. При необходимости ко всему этому мог еще нагрузиться раненым.

Из «качалки» Рама не вылизал и не доставлял сержанту головной боли, вот только жрал немерено. Мозговыми потенциями не утруждался, довольствовался малым и лепился к смекалистому Чилиму. Чилим говорил немного и в основном по делу. Случись Фазе сгинуть, к примеру, в мясорубке, отряд без лишних разговоров возглавит он. Тайное соперничество сержант чувствовал везде и всегда, особенно когда ошибался, что, надо отметить, случалось нечасто. Как-то так выходило, именно на Чилима Фаза кидал первый взгляд.

Кишлак или как ипногода его называл Седой «Узкоплечный» – двадцати восьми лет якут, прирожденный снайпер, бывший контрактник. Его Фаза знал меньше остальных и пока присматривался. Первое впечатление устраивало: не болтлив, дисциплинирован, физически развит, по специальности подготовлен, на рожон не лезет, знает свое место. В следующий рейд звеньевой намеревался взять его на «смот-

рины».

Пижон... чтобы вышло из него хоть что-то путное – надо тренировать до седьмого пота, до потери пульса, до скончания века. В остальном чистюля и выпендрожник.

Глава 2. Урок

– Явился наш жареный папуас, – Седой презрительно сплюнул сквозь зубы. Тягучая слюна прилипла к губе. Прозрачная нитка легла на куртку, тут же впиталась и оставила темный след. Блатарь этого не заметил и остальные тоже, так как взгляды были прикованы к плетущейся, тощей фигуре с калашниковым в руках, еле волоочащей ноги .

– Укатали горки сивку, – хмыкнул Чилим.

– На фига он нам сдался? – мрачно проговорил амбал. – Я с Пижоном не пойду. В первой же заварухе сольется и нас потянет.

Фаза молчал, неотрывно смотрел на парня, который вышел из леса и теперь ковылял по сухой траве, словно подранок. Настолько он был немощен и жалок, что смотреть было больно. Мышцы на челюстях сержанта перекачивались, вздрагивали, отчего, казалось, их сводит от нестерпимого желания раскрыть «матюкальную» и выпустить на свободу распирающую, отборнейшую похабщину.

– Только покойнички не ссут в рукомойнички, – то, как Седой это сказал, вовсе не казалось смешным. Все подумали об одном и том же.

– Завали, – не поворачиваясь, проговорил сержант.

– Завалить это не проблема, – изрек Чилим, ковыряя спичкой в зубах. Только Седой прав. Посуди, Фаза, сам. Пи-

жон – слабое звено, подломанная ножка, гвоздь в башмаке, сдохнет и нас заберет. Сам же говорил – мы кулак. А как можно бить или удержаться над пропастью, если один палец сломан. Ты бы похлопотал о переводе салаги в другое звено или пускай на кухню спишут.

Сержант внимательно слушал, хотя и не смотрел на Чилима. Он ответил не сразу.

– Как же вы меня задрали, индюки недорезанные, – Фаза повернулся к личному составу. Переползая тяжеленным взглядом, словно гусеницей трактора, с одной физиономии на другую, подумал: «Они все, разве что, кроме Кишлака, заодно». – Я вам уже объяснял, – заговорил весомо и не спеша, – этот доход не мой выбор. Нагибауэр мне его всучил. А его кто-то сверху **ОЧЕНЬ** попросил, – слово «очень» сержант выделил интонацией, – ни тогда, ни сейчас отказаться я не могу.

– А ты попробуй, – подал голос Седой.

– Я твою харю на прочность сейчас попробую, – Фаза упер в блатаря свой фирменный взгляд «Вот только вякни». Несколько секунд Седой еще сопротивлялся натиску, затем цыкнул плевром и отвернулся.

– К этому вопросу больше не возвращаемся, – сержант повысил голос, – кто заикнется – клапан вырву. Всем понятно! – гаркнул он.

– Да, – прозвучало нестройное и невнятное.

– Не слышу, заглотыши!! – еще громче крикнул Фаза. –

Всем понятно!!!

– Так, точно! – без охоты, но хором отозвались стрелки.

Наконец, приковылял виновник междусобойчика. Потный, задыхающийся Пижон затравленно смотрел то на сержанта, то на всех остальных и ни в ком не находил сочувствия.

– Звено! – скомандовал Фаза, – кончай перекур, бегом марш!

С минуту он стоял и смотрел вслед стрелкам, которые в ногу, широким махом рысили по тропе. И лишь Пижон портил картину, умирающей лебедью тащился следом.

По прибытии в подразделение личный состав рассредоточился по кубрикам. Для тренировочного лагеря заброшенная воинская часть оказалась подходящим местом. Некоторые этапы подготовки стрелки проводили прямо в подвалах полуразрушенных зданий по соседству с казармами.

Чистота и порядок поддерживались только в жилых и вспомогательных помещениях. Снаружи бывшая ВЧ выглядела разваливающейся, зарастающей заброшкой: ни флагов, ни оркестров, ни трибун, ни построений. Каждое звено занималось по индивидуальному плану. Лишь график сдачи зачетов вносил порядок в кажущийся бедлам и анархию.

Никто не объявлял отбой, просто единым рубильником в казармах выключали свет. Несмотря на покрашенные, завешанные одеялами, заложенные матрасами окна эта мера предосторожности устраивалась неизменно каждый божий

день ровно в 22-00. Тогда зажигались фонарики, свечи, а некоторые пользовали контрабандные «фаеры».

Маяк – уличный фонарь с тусклой лампой оставался единственным слабым местом в маскировке лагеря. Командование дважды пробовало отключать его и дважды «шпиталь» стремительно наполнялся покалеченными. Без привычного ориентира праздно шатающиеся, а по большей части, вынужденные мытари («клозет» из санитарно-гигиенических соображений был удален от жилых помещений на добрую сотню метров), забывшие взять фонарь, в кромешной темноте подворачивали ноги, натыкались на бетонные блоки, арматуру и вообще уходили не туда.

В свое время Фаза обзавелся МАЗовским аккумулятором, который с наступлением темноты исправно питал цепь из двенадцати вольтовых ламп. «Каптерку» сержант занимал единолично, благоустроил и был вполне доволен. Бывало, засиживался допоздна, испепеляя одну сигарету за другой, читал сталкерскую почту в трофейных ПДА или изучал новые карты.

В этот вечер он раньше обычного выключил гирлянду. Сидел в темноте, тянул «Приму» и не шевелился, словно рыбак над лункой. Вот тихонько скрипнула дверь в «умывальню». Фаза приподнял голову, прислушался, затем нажал кнопку подсветки, взглянул на часы – без четверти два. Снова пискнула дверь. Сержант осторожно затушил сигарету в банке, натянул налобник. Что-то глухо стукнулось, буд-

то на пол уронили кочан. Фаза, не спеша, чтобы не скрипнуть пружинами, поднялся с койки. Предательски щелкнуло колено. Он замер, переждал несколько секунд, затем прокрался к двери, приоткрыл, оценил царящую в казарме мертвецкую тишину и мрак. Не включая фонарь, бесшумно проскользнул к «умывальне». Из-за двери доносился придушенный шепот, минуту спустя, раздался сдавленные стон. Сержант загнул палец. Снова стон, похожий на тот, когда атлет жмет штангу от груди, выгибается и багровеет. Фаза прижал ухо к дверному полотну. Заслышался внятный шепот: « ... мразь ты поперечная, задрал козлячий парить. Советую тебе валить любым способом, который сочтешь нужным, иначе ноги переломаем, а то и хуже». Снова удар следом сдавленный стон.

Сержант загнул третий палец и распахнул дверь. словно шухер на стреме, пискнули петли. Фаза шагнул к раковине, повернул вентиль на кране. Тонкой струей полилась вода. Звуки за стеной стихли.

– Кто там? – из «сральни» послышался громкий шепот.

Сержант набрал в пригоршню воды, плеснул на лицо, проговорил, сипя и отдуваясь:

– Я это. Сон – говно, одни жмуры.

В тему со стороны гнилого леса донесся протяжный, с клекотанием вой, переходящий на визг и хохот.

– Иди глянь, кто там, – снова шепот.

Отражаясь от кафеля, по стене запрыгал луч фонаря.

Седой остановился у склонившегося над раковиной стрелка, открыл рот для вопроса, как тот вдруг повернулся. Яркий луч резанул по глазам. Ослепленный блатарь, сощурился, поднял руку:

– Ты свет...

Он недоговорил. Сержант бил в неподвижную физиономию все равно, что по груше. В подбородок саданул так, что Седого развернуло. Он не успел вскрикнуть, на ватных ногах пошел винтом вниз. Фаза подхватил тело, поволок к заколоченному окну. Сланцы слетели с босых ног блатаря, мозолистые пятки заскользили по плитке.

– Эй, – слышался громкий шепот из-за стены, – Ты чего там, провалился?

Ответом ему была тишина.

– Стой здесь, – угрожающие предупреждение кому-то, затем тапочки захлопали по голым стопам.

Вырубить Раму ни с первого, ни со второго удара Фаза не рассчитывал. Мозгов в голове у амбала с кукиш и те железные. Но все равно, с ним одним как-нибудь справится. Мысленно отсалютовал Всесоздателю, что первым прислал блатаря.

Удар в челюсть обескуражил верзилу, колено в пах согнуло пополам, подножка повалила на пол, а удушающий со спины завершил спарринг в одну калитку. Рама хрипел, выкачивал глаза, брызгал слюной, пытался вывернуться, разжать зажим. В какой-то момент веки его затрепетали, сопротив-

ление стало ослабевать, а глаза закатываться.

– Вы, уроды, – зло зашипел Фаза, напрягаясь и багровея, – решили, что лучше знать, с кем в зону ходить? Не много ли на себя берете, ванилины гребаные? – он ослабил зажим, давая возможность качку дослушать мысль, – я вас, дуболомов, научу...

– Отпусти, – захрипел Рама, обеими руками цепляясь за мускулистое предплечье, которое сдавливало горло подобно петле на виселице, – я поня-я-л...л.

Спецназовец обмяк, его безвольная кисть стукнулась ко-
стяшками о кафель. Еще несколько секунд Фаза удерживал
здоровяка в капкане, затем отпустил, поднялся, осветил в
лицо – глаза закрыты, спокойное дыхание, безмятежное вы-
ражение. «Везет же некоторым», – мысленно позавидовал
сержант. В последнее время испытывал со сном проблемы.
Он не соврал, когда упомянул про жмуров. Уже, как с месяц
ночные сеансы заполонили мертвецы.

Заправляя футболку в брюки, Фаза зашел в «сральню».
Увидел того, кого, собственно, и ожидал там увидеть. У ок-
на, стоял худосочный, в черной футболке, в трениках, босой
Пижон и шурился на яркий свет.

– Топай спать, урок окончен, – буркнул сержант.

Наутро Седой с Рамой стояли перед звеньевым и стара-
лись не пересекаться с ним взглядами. Зато Фаза очень даже
в них всматривался. Говорил зло и с оттяжкой:

– Что, сучье вымя, никак не успокоитесь? – заложив руки

за спину, прошелся менторским шагом вправо, развернулся на каблуках, злым взглядом из-под брови окатил потупившиеся физиономии. «Синяков нет – хорошо», вслух сказал:

– Я вам, дебилам грешным, русским по белому объяснил, что к чему. Нет, блин, не прошло и несколько часов, они уже порешали по-своему. Они, копать – хоронить, лучше знают, кому уйти, а кому остаться. Воспитатели – педагоги нашлись здесь. – Сержант завершил проходку влево, крутанулся на каблуках. «С этой стороны хари тоже в порядке». – Это же надо, протеже Нагибауэра прессуют. В какой толчок, черебумы клятые, вы свои мозги слили? Или решили меня подставить? Подумали на досуге, мол, сержант наш что-то давно не траханный, угрюмый какой-то, слова от него ласкового не дожدهшься. Давай-ка мы его взбодрим, дерним кукуя за я-я, а он уже клюнет кого надо. Гы-гы-гы, смешно блин, – сержант остановился перед провинившимися, резко развернулся, подался вперед и выкатывая глаза загы-гыкал.

Седой сморщился, отпрянул:

– Мы его только припугнуть хотели. Пару раз в прессуху двинули, никаких следов. Кто ему поверит?

– Нет, нет, – Фаза сильнее вытянул шею, не моргая, уставился полусумасшедшими глазами на альбиноса, вкрадчиво прошелестел, – это кто ТЕБЕ поверит? Это, придурки конченные, залет. Вот что это. Если станок снашальный вызовет меня на ковер, загремите вы психологи – аналоги к патологу-анатому. Как пить дать загремите. А сейчас вон на

тренажку! – гаркнул сержант, заставляя Седого отклониться сильнее, и отступить. Рама, как стоял горой безмолвной, также ею развернулся и зашагал на выход.

– Я в сартир выбежал, а фонарь, падла, с башки слетел и прямо в очко, – говорил Кишлак Чилиму. Стрелки стояли под козырьком подъезда, курили, смотрели на то, как сосиска и сарделька дергаются на перекладине. Перед ними, широко расставив ноги, стоял наместник «святой» инквизиции и зычно подбадривал: «Еще разок, психологи-анатомы. Еще чутка. Что такое восемнадцать подъемов для таких пед...гогов. Включили бицепс, отключили мозги. Давай, напрягаемся, напрягаемся. Седой, еще пяток и вали, а с этим черебумом придется поработать, вон какую жопу с титьками нажрал...».

– Поднимаюсь уже обратно по лестнице, – продолжал вещать Кишлак, – со ступеней вижу на двери в умывальню пятно в форме, ну-у, не в форме там армейке, а в позе притаившегося медведя. Я замер, меня за лестницей не видно. Пригляделся, стоит наш Фаза, ухо к двери прилепил, слушает, значит, и пальцы загибает. Потом шасть туда, в умывальню, то есть. Слышу, вода потекла. Я без задней мысли в койку потопал, а сзади бац, бац. Я уже не стал возвращаться. А в кубрике увидел пустые койки Седого, Рамы и Пижона, все стало понятно. Одного не догоняю, чего он пальцы загибал, а сразу разборку не учинил?

– Да все просто, – Чилим сделал последнюю затяжку, окурок полетел в урну, – ждал повода. А пальцы загибал – это он тумачи считал. Заявись раньше, эти придурки в один голос заверещали бы, что покурить вышли, а Пижон бы подтвердил, ведь ему еще не вломили. Лови потом их с поличным. Все будет, то в дерево врезался, то с лестницы упал. А если Нагибауэр узнает – пипец. Нашли, блин, кого щемить, дебилы. Я им говорил.

– Так это, я не понял, если Пижон прибалтанный, зачем его в спецуру сунули? Места поспокойнее, что ли, не нашлось?

– Не знаю, – ответил Чилим не сразу, – говорит, сам напросился. Мечта, типа у него давняя по зоне побродить. Романтика – херантика там всякая. Не верю я ему. Здесь что-то другое, может, перед девчулей решил красануться, может, арт ценный задумал вынести на сувенир или папаня попросил на путь наставить. Фиг поймешь, в общем.

Глава 3. Тревожный маршрут

Сержант открыл дверь в процедурный кабинет.

– Стучаться не учили? – тощая, крашеная блондинка с отросшими корнями, наспех перекраивая похотливую мину на протокольную, поднялась с колен Пижона, одернула халат. Раскрасневшийся «салажий зелепан» сидел на кушетке для осмотра и блестящими сальными глазами взирает на командира. Вид при этом у него был наитупейший – впрочем, как у любого застигнутого врасплох за непотребством.

Фаза увидел на шее парня золотую цепочку. Блестящая, она сразу кидалась в глаза, а расстегнутый на две пуговицы, свежеш подшитый воротничок был для нее, словно приоткрытый футляр. Начищенные берца сияли, будто лакированные. Ладно, зализанные, как у мажора назад волосы, но "муховская" армейка! Откуда! Кроме того, в воздухе улавливался запах одеколona.

Сержант сморгнул и еще раз, пристальнее всмотрелся в «фартового», словно убеждался Пижон ли это.

– Я того, – сипло промямлил парень, – откашлялся, продолжил уже мужественнее, – у меня натертыш, тьфу ты, – сконфузился он, – натоptyш. Да, точно, натоptyш на правой ноге. Вот здесь, – Пижон вывернул стопу, пальцем указал на пятку.

Черт подери, каблук с толстой набойкой сточен под «рю-

мочку». Глаза у Фазы полезли на лоб.

– Вам, собственно, чего надо? – прогнусавила медсестра, усаживаясь за стол.

– Мне собственно, его надо, – Фаза подбородком указал на Пижона, – а заодно, узнать, где Шишак, вернее, Шишков, график медосмотра для личного состава повесил, глянуть хочу.

– Товарищ прапорщик на складе, график на стенде у входа справа, – с плохо скрываемой неприязнью процедила медсестра.

– Чего сидим? – сержант зыркнул на Пижона, – подъем и шагом марш.

– Я того... Не могу прямо сейчас, – стрелок глубоко втянул воздух, поджал губы и выразительно посмотрел на командира, – у меня натопыш. Нужна помощь... медицинская.

Фаза переместил строгий взгляд в область гульфика. Складка на брюках парня топорщились Джомолунгмой.

– Две минуты. Пока срисовываю график, чтобы спустился.

Чуть раньше, чем через две минуты Пижон уже стоял рядом, а еще через три качал спину с амплитудой и в той позе, на которую вряд ли рассчитывал, подкатывая к медичке. На самом деле, мышцы Пижон качал не в результате своих плотских устремлений, а за то, что сачконул в паркохозяйственный день. По пятницам, как известно, личный состав

сульфосолит центряк и вылизывает кубрики.

Фаза отсчитывал молодому раскрасневшемуся телу, уложенному в пояснице на бревно лицом вниз, с пятками, зацепленными за трубу, с руками на затылке.

– Тридцать один, тридцать два...

– Товарищ сержант, – сбоку подбежал «зелепан» с веснушчатым личиком.

Не поворачивая головы, Фаза взглянул на него, как на кота, спросил:

– Чего?

– Вас вызывает майор Сошин.

– Пятьдесят и в казарму. У Чилима спросишь объем работ и побольше, – дал указание Пижону Фаза. – Вернусь – проверю.

С посыльным Фаза направился в заброшенное, разоренное здание штаба, где на первом этаже в более-менее уцелевшем кабинете «зампотылу» заседал всеми обожаемый Нагибауэр.

Спустя полчаса сержант вернулся в казарму с весьма задумчивым видом. Заперся в каптерке, закурил и принялся расхаживать от стены к стене, о чем-то напряженно размышляя. Предстоящий рейд вызывал беспокойство и вопросы, на которые Нагибауэр не смог ответить или не захотел. «Неведение» цели входило в условие контракта. Его дело – сопро-

водить до места и вернуть живым, еще лучше невредимым.

Беспокоил маршрут. Им Фаза никогда раньше не ходил. Слышать – слышал, но чтобы сам – нет. Сержант вообще не любил новое, неизведанное, так сказать, неровные рельсы и хлипкие мостки. В таких ситуациях, кроме очевидных неприятностей, много скрытых. Они-то и раздирали мозг сомнениями, вселяли неуверенность. Это совсем не то, где истоптанные тропы, где каждый поворот, кочку и аномалию узнаешь в лицо, а с мутантами чуть ли не по имени-отчеству. Новый маршрут, да еще к черту на куличики... Все равно, что блуждание по минному полю с закрытыми глазами. И что обидно – за сложность и риск никаких надбавок. Обычный «экспедиционный» тариф. «Ты, сержант, тудыть тебя, рас-тудыть, подписал контракт, а теперь стоишь тут и как баба базарная гро́ши выпрашиваешь. Где ты там увидел статью «за сложность»? Где, твою мать, написано, что за одного убитого кровососа пять рублей, а за двух десять? Или за пройденную жарку? Может, еще температуру начнем мерить и за каждый градус по копейке? Я тебе что, из своего кармана должен за всю эту... хрень платить? Ты мне кончай пудовые рыдания. Прикинь лучше, как «перцев» вернуть в целости и сохранности. Хочешь прибавку – побереги личный состав, боеприпасы и снаряжение. Это да, за «рачительность» в контракте имеется. Есть еще вопросы?».

Какие после такой выволочки могут быть вопросы. Фаза остановился у окна, увидел, как в «сартире» распахнулась

дверь, из него вышел Пижон. Одетый уже куда грязнее, мятее, стоптаннее, а именно в свою повседневную форму. С засученными рукавами нес ведро со шваброй. Фаза печально усмехнулся, пробубнил под нос: «Шишал – мышал, пернул – вышел. Вот куда с таким вахмурком? И оставить не могу».

Через минуту внимание сержанта привлекла группа спеццов, которые от второго КПП шли в сторону «отстойника». Они были в полной экипировке, раздутые бронниками, вооруженные, пыльные и усталые. Четверо из пятерых несли за боковые петли длинный снарядный ящик. Немногочисленные стрелки, которые попадались навстречу, останавливались, рассматривали их и провожали взглядами. К окнам кубриков прилипли смутные лица. Все смотрели на вернувшееся звено и, как Фаза считали. Их было пять, а не шесть. Хмурые обветренные лица, выражали скорбь и сосредоточенность.

Группа Ящера – узнал Фаза, но самого звеньевого не видел. Его трудно было не заметить – два тридцать роста, плечистый, кроме того, на шлеме белой краской трафаретные «СГ». В груди зашевелилось, заворочалось нехорошее предчувствие. Была вероятность, что звеньевой задержался на КПП и что-то перетирает с дежурным. Может, даже по контрабанде. «Да, мало ли что. Ящер всегда возвращался. Я пришел, а он уже был здесь. Чертову зону знает как свои пять пальцев». Но эти лица... В скверном предчувствии сержант не заметил, как стал потирать левой ладонью кулак правой.

Ящер все не появлялся. А когда Фаза рассмотрел на плече последнего спецназовца второй автомат, все понял.

Он помрачнел. Мысленно отсалютовал погибшему товарищу, мельком вспомнил вечно угрюмое с перекатывающимися желваками лицо, отчего, казалось, что злость его не проходящая, и он постоянно сдерживается, чтобы не послать всех куда подальше.

«Так и я когда-нибудь, – подумал сержант с покорностью судьбе. словно сами небеса приковали его к Зоне и определили место до скончания дней. Хотел ли он что-то менять? Вряд ли. Привык быть здесь, ходить по этой гадской зараженной земле. Привык к своим "фазерботам", к армейским порядкам, казенному быту. Где ни о чем голова не болит, где тебя обуют, оденут, вооружат, дадут кров, а если надо и кровь. Где все четко, понятно. Где сама смерть возведена в традицию, в мрачную, но неотъемлемую часть рискованного ремесла. Где танец с костлявой – та самая горчинка, без которой не чувствуется в полной мере вкус жизни. Гурманов такого рода агентство «Солдат удачи» собирало по всем просторам бывшего союза.

С тяжелым вздохом Фаза взял со стола берет, перед зеркалом с растрескавшейся по краям амальгамой надел. Задержал взгляд на морщинах, кажется, глубже прочертивших лоб, заглянул себе в глаза, которые вроде бы стали тусклее и усталыми, перескочил на волосины торчащие из носа, на брови, на виски. «Что...?». Он повернул головой, пальцами

пригладил волосы, скрывая седину.

«Плевать, все равно своей смертью не умру», сержант направился к двери с намерением дожидаться парней Ящера у «отстойника» и узнать, что случилось.

Прошло минут сорок, прежде чем появился первый стрелок. Тот был уже налегке в повседневной форме. Все походное снаряжение, оборудование, оружие, одежду оставил на обработку в «чистилище». С мрачным, уставшим лицом, небритый он вышел через дверь и, надо думать, направлялся в казарму, поесть, помыться или сразу завалиться спать.

Только из-за уважения к лычкам спецназовец не послал сержанта лесом. Он остановился, долгим взглядом посмотрел на него, мол, не видишь, что ли, не до разговоров мне, затем взял предложенную сигарету. Пока шли, рассказал, как погиб звеньевой.

– Ящер шел первым, – говорил Спок негромко, глядя себе под ноги, крутил головой, словно до сих пор все еще был в зоне. Со стороны могло показаться, у него какое-то неврологическое расстройство. – Топали в обратку, прошли селяку на краю «сучьего поля», уже свернули к элеватору и за цистерной, в шагах пяти Ящер вдруг провалился. Просто шел по тропе, потом фигак, и ушел по пояс. С треском таким ушел, словно лед проломил. Только не лед это был, а земля. Обычная земля, блин, никогда бы не подумал, что такое может быть, как корка, а под ней кислота. И ни детектор, ни дозиметр, сука, не вякнул. Пипец просто какой-то. Чухнулись

быстро, давай Ящера тянуть. Да чего там, он уже задымился. Ноги по колено слезли, одни кости торчат. Ящер молодчик, не орал, только зубами скрипел, не хотел мутантов привлекать. Пока аптечку достали, антишоковое зарядили, он и отмучился. И слава богу, не видел, как хрень эта таз обглодала, как нога правая отвалилась, как низ живота расплавился и кишки выпали. В общем, быстро умер. Земля ему пухом. Так вот», – Спок тяжело вздохнул, мотнул головой, щелчком отбросил окурки и, не прощаясь, зашел в подъезд.

«Земля затрещала и провалилась. Как? – размышлял Фаза, шагая вдоль казармы к «Чипку». Нехорошо ему стало от этих слов. – Туда прошли – нормально, а обратно уже того. Чертова зона». Сержанта беспокоило не то, что случилось с Ящером, а то, что на проверенной тропе вдруг появилась аномалия. Он любил ходить надежными путями, хотел быть уверенным, куда ногу ставит, знать, что кругом и чего ожидать. Такая блуждающая аномалия теперь занозой засядет в голове и будет свербеть и терзать. «И ни какой детектор, ни дозиметр не вякнули», – вспоминал слова стрелка.

Блуждающие аномалии он встречал, но не так близко к лагерю. Тренировочная база находилась на территории бывшей мотострелковой части, на границе зоны с кордоном. ««Сучье поле» два километра западнее, – размышлял Фаза, – теперь пробежки надо будет с детектором проводить или вовсе прекратить. Ничего, по стадиону намотаем. Эх, жалко Дыбу с Ежиком – хорошие спецы были. А что взамен?

И идти скоро. После обеда звено в санчасть поведу, пусть Шишак глянет, «натертыши» в том числе», – при воспоминаниях о Джомолунгме, рот сержанта поехал в ухмылке.

Глава 4. Все не так

«Перцы» из очередного секретного НИИ прибыли на три дня раньше запланированного. Фаза пытался возражать и даже матевировать, но Нагибауэр умел это делать куда искусней. Сержанту удалось выпросить только одни сутки.

Надо такому случиться, буквально вчера он застукал пьяного Седого, к тому же с перебитым носом. Сержант уже нацелился поквитаться с блатарем на «огневой полосе», да так, чтобы вместе с потом вышли не только водка, но и кровь с желчью. Изматывающую, болезненную экзекуцию пришлось отложить, вернее, заменить на пару увесистых ударов. Чертов забулдыга стал той головной болью, из-за которой сержант и явился к Нагибауэру на поклон. Вертелся, как уж на сковороде. Не мог же он сказать прямым текстом: «У меня один стрелок вусмерть надрался, надо время, чтобы в чувства пришел. Подведет ведь, сукин сын, на рейде». А вместо этого: «У одного натоптыш, у второго натертыш, у третьего вывих, а еще надо то, еще се...». В общем, вышел от командира морально изнасилованным, горели уши, мозг вспух. «Не-е-ет, Седой, ты так просто не отделаешься», – Фаза до хруста сжал кулаки. По дороге в казарму выдумывал всякие четвертования, виселицы, харакири на голову проклятого алкоголика.

Собирались, как обычно – без спешки, со знанием дела.

Подобная процедура выполнялась не один раз и с такой частотой, что не забывалась даже в мелочах. Для пущей верности на каждой из четырех стен кубрика была приклеена распечатка с протоколами: «куда не кинуть взгляд, везде норма на разряд».

– Я – это ты, – между делом Чилим втолковывал «салажьим зелепанам» основы выживания, – от каждого зависит жизнь другого. Нельзя лажать ни при каких обстоятельствах. До последнего выполняй задачу, сдохни, а сделай. Каждый занят своей работой и часто бывает, что страховать некому. Получит плотина течь в одном месте – скоро развалится целиком. Мы все в связке, как скалолазы на круче. Все на одной веревке, – Чилим собирал вещмешок, тщательно укладывая необходимые в походе «приблуды» и «прибамбасы». Каждую на свое место, чтобы в потемках со сна безошибочно вытащить нужную, и немедленно. Порой от этого зависит жизнь. И вообще, в Зоне этих зависимостей пруд пруди. Куда ни плюнь – засада да подстава. – Мы, как пальцы в кулаке. Нельзя вдарить, если один показывает лайк, а другой фак. Мы команда, единый организм.

– Ага, – тихо пробубнил Пижон, – а кто мне рыло хотел начистить, кто гнобит? Цапаются, как собаки. Особенно Седой, не упустит случая. Каждый сам по себе. О какой команде речь?

Блатарь со свежей коростой на переносице в глубокой задумчивости сидел на койке и никак не мог вспомнить, чем

его приложили, то ли прикладом, то ли пистолетной рукояткой. С бледным фиником под правым глазом чему-то криво скалился, а в подрагивающих пальцах вертел аптечку, из которой минуту назад употребил «промидол» в таблетке.

– Э-э-э, – встрял в разговор Рама, – это мы здесь такие, а там, – он качнул головой в сторону «гнилого леса», – все по-другому. Здесь не выживаем, а живем в относительно безопасном месте с удобствами и можем позволить многое, чего помимо устава. Попадешься, максимум что схлопочешь так это карцер, а то и на «огневой» отмоешься, а там, – здоровяк снова качнул головой в сторону зоны, – наказание – смерть.

– Или в печень от Папика, – вдруг оживился Седой.

– Мало тебе, – покосился на него Чилим, – нашел время бухать.

– А я что, знал? Говорили же четыре дня.

– Да даже и четыре, потерпеть не мог? Теперь ходи и на тебя оглядывайся, в каком месте лажанешь, придурок.

– Сам, придурок, не лажани!

Чилим бросил флягу и резко выпрямился. В то же мгновение с койки вскочил Седой. Лица у обоих были далеко не шуточные, особенно у блатаря. Перебитый нос, фиолетовые тени под глазом злобили его неимоверно. Они смотрели друг на друга волками.

– Стопэ, – между ними вклинился огромный Рама. Чтобы видеть друг друга и схлестнуться взглядами, им пришлось вытягивать шей. Причем два раза у них получилось в разные

стороны.

– Ты кому сказал...? – Чилим наклонился вправо и никого не обнаружил. Резко перекинулся влево и опять никого.

– Тебе, блин...

Седой также обманулся с выбором. Зверские взгляды ушли в молоко. Кишлак давил возникшую улыбку, Пижон вовсе отвернулся, чтобы не попасть под горячую руку.

– Ну все, харэ! – забасил Рама, раздвинул в стороны драчунов, как титан Сциллу и Харибду. Выпустив заряды злобы, они уже были не столь категоричны.

– Седой, ты не прав, – вступился за друга амбал, – употреблять перед рейдом – последнее дело. А вдруг тревога? А вдруг гон? А вдруг налет? Что тогда?

– Да пошли вы, – пробурчал блатарь, развернулся и принялся паковать вещмешок.

– Во, во и я о том же, – хмыкнул Пижон не оборачиваясь.

– Ты подпритухни, «зелепан салажий», и всасывай нужное, – говорил Чилим уже не благодушным голосом наставника, – если тупой, запомни одно: там – это не тут. Мы посрались и разошлись. А там случись такое – всем кранты. Либо слепаков своей возней приманим, а то и кого похлеще, либо в аномалию вляпаемся и тогда уже синяками не отделаешься. Вот это заруби себе на носу, – Чилим зло зыркнул на худую спину Пижона. – Мы-то уже спетые – сбитые, а вы двое, – спецназовец стрельнул взглядом на притихшего Кишлака, – мины замедленного действия, хер знает, что от вас

ждать.

– Да уж. Не хотелось бы по прибытии в кубрик услышать крик, полон агонии, – вставил свои пять копеек Седой.

– А то и два, – усмехнулся Рама, глянул на «салаг» с кроважной ухмылкой.

В это время в каптерке Фаза разложил на столе предметы «первой необходимости», смотрел и вспоминал, ничего ли не забыл. Его мрачные мысли быстро свернули в сторону и теперь бродили от Седого к Ящеру, от него к Нагибауэру, затем к Пижону и Кишлаку, выпархивали за ворота базы и кружили над зоной, кружили.

От невеселых мыслей его отвлек стук в дверь.

– Да, – раздраженно кинул Фаза, обернулся.

Дверь отворилась. На пороге возник посыльный:

– Товарищ сержант, – начал он громогласно, – вас вызывает..., вернее, просит зайти Олег Юрьевич Кожухов.

– Что за чел? – Фаза в упор посмотрел на рядового.

– Научник, которого вы завтра поведете. Он в общежитие на втором этаже в восемнадцатой комнате вас ждет.

– Пошел он на хрен куда подальше, – Фаза вернулся к сборам. – Передай этому Юрьевичу, что мне не до ссук. Подготовку и так сократили, а у меня еще запонки не чищены и жабо не накрахмалено. Чего стоишь, воин? Что-то не понятно?! – сержант повернул к посыльному злую рожу.

– Все понятно, – отчеканил тот.

– Кругом марш, – Фаза уже на него не смотрел, в боко-

вой карман шмотника сунул «медпакет». Мысли снова вернулись к страданиям: «Звено – фиг знает что. Двух ветеранов забрали, взамен хлам всучили. Маршрут – к черту в пекло. Седой – падла нажрался. Ящер помер. Неизвестные аномалии уже на «Сучьем поле». Еще этот козел».

И это было не все.

– Копать-хоронить, – скрежетал Фаза, когда утром раздвинул матрасные шторы и увидел рыхлый туман. словно последствие дымовой завесы он застилал растрескавшийся, вздувшийся асфальт плаца, мрачные казенные постройки с пучками травы в стоках, с зарослями бурьяна на газонах, покосившийся бетонный забор. Здания штаба и медсанчасти словно тонули в белесой гати, виднелись лишь верхние этажи.

– Легче сразу застрелиться.

На месте сбора у первого КПП с профессором и худошавым в плохо подогнанном комбинезоне младшим научным сотрудником сержанта ждала груженная самоходная платформа. «Чтоб вам всем пусто было», мысленно сплюнул Фаза.

Добил Фазу медик.

– Вот же ж, дерьмо собачье! – не сдержался он, когда вместо опытного и привычного Шикотана притопал пожилой усатый с сигаретой в зубах медбрат по совместительству кладовщик – Ссэр, который, что и делал – менял под огуречниками селезней. Желтые редкие зубы постоянно сжимали тлеющую сигарету, словно бикфордов шнур. Говорил Ссэр

прокуренным голосом Шерлока и кашлял сухим наждачным кашлем. Типичный анахронизм своей эпохи доживальщиков. С его слов выходило, что Шикотан подхватил какую-то кишечную заразу и теперь сам погибается в инфекционном боксе.

Сержант предпринял последнюю попытку отложить рейд и направился в штаб. Отекший, не выспавшийся, с красными белками майор был непреклонен. В грубой форме послал Фазу со всеми его «закидонами» куда подальше, а точнее, за радар пыль глотать. Сержант вспомнить не мог, когда Нагибауэр разговаривал с ним в такой форме глагола. На горизонте замаячил дембельский поезд в никуда. Даже вроде бы паровозный гудок слышался за дверью.

После краткого инструктажа выдвинулись на маршрут. На душе у Фазы скребли не просто кошки, а самые что ни на есть химеры. Он шел первым, то и дело оборачивался. Следом двигался младший научный сотрудник, наспех окрещенный Седым в Малого, за ним сам блатарь, далее транспортер, профессор, Рама, Пижон, Кишлак, Ссэр и замыкал Чилим.

У «Растопырки» – автобусной остановки, разрушенной проросшим тополем, их должен был встретить опытный проводник. Фаза подключал Товаругу в редких случаях, когда сомневался в собственных силах. Сталкер ходил по Зоне еще до второго ее расширения и много чего повидал.

Глава 5. Первые неприятности

Сержант таращил глаза в белесую пелену, вертел головой. От напряжения звенело в ушах. Туман, то уплотнялся, то редел, то комкался, то слоился и неизменно таил опасность. Белесая муть напомнила случай, когда однажды в детстве он убегал от «селятинской» шпаны. Забежал на территорию прачечного комбината и оказался среди стиранного белья, которое сушилось длинными рядами на веревках. Дул ветер, легкие уже высохшие простыни раздувались, хлопали, касались лица, застилали глаза. В какой-то момент закружилась голова, он потерялся, закрутился на месте, не зная, куда бежать. Из белых волн, словно акулы, выскочили мальчишки. Они набросились на него, сбили с ног и поколотили прямо среди этого белого шторма. Он выходил наугад, раздвигая руками и пачкая простыни кровью, словно оставлял след на воде.

Кочковатое сухое поле шуршало соломой по одежде, едва слышно гудели сервоприводы «мула», пощелкивал дозиметр. Где-то справа далеко завывала химера. Смолкла, снова наступила тишина. Казалось, туман, подобно вате накрыл поле и вбирает, гасит все звуки. Фаза тихонько кашлянул, чтобы разубедиться в аномальности происходящего. Мало ли чего в зоне случается. Издаваемые звуки слышались четко, без искажений.

Вдруг что-то темное мелькнуло в дымной пелене. Фаза остановился: «Слепой пес? Вряд ли. Далеко, еще «Кочняк» не...». Что-то твердое толкнуло в спину и отскочило со словами: «Ой, пардоньте». Сержант резко развернулся, сердце подпрыгнуло и неприятно сильно ударило в ребра. Отступив на шаг, на Фазу виновато тарашился младший научный сотрудник.

– Смотри под ноги, – прошипел сержант, умиряя сердцебиение.

– А?! – помощник профессора сунул руку под шлем, вытащил из уха наушник.

Зверея, сержант вырвал у парня провод.

– Вот же ж, – простонал Малой, – они айпатовские.

– Завали, – зашипел сержант, обернулся, окинул затуманенные окрестности беспокойным взглядом, затем негромко заговорил, – я, кажется, провел инструктаж. Ты слушал и кивал. Какого рожна эти затычки делают у тебя в ушах?

– Только в одном. Второе нараспашку, – шептал младший научный, часто моргая, – релаксинг – харп снимает напряжение.

– Твою мать, – зарычал Фаза, – это тебе не прогулка с собачками, придурок, ты конченный...

– Сержант, – вклинился Олег Юрьевич, – он все понял, может, уже пойдем?

– Я скажу, когда мы пойдем, – не поворачивая головы, проговорил Фаза. – Вам лучше сразу усвоить, где находимся

и ...

– Уже усвоили, – нетерпеливо и нервно перебил профессор.

Сержант ответил не сразу:

– Ну, тогда ладно, айда дальше.

Пока исследователи пререкались с сержантом, стрелки контролировали пространство кругом, готовые немедленно пустить в ход оружие. Даже неопытный пожилой медик подобрался, вытянув шею, крутил головой по сторонам, подобно курице.

Что-то витало в воздухе, ворочалось и ползало за молочной завесой. Туман. Туман все портил. И тихо-то как, будто в загробном царстве. Слышно, как куртки шуршат, как подсумки трутся. Хрустнуло в стороне, как будто ветка. Только ветки намного дальше, в километре севернее. Откуда в поле ветка? Или не она это вовсе?

– Как же хреновато быть слеповатым, – прошуршал Седой.

– Ш-ш-ш, – одернул его Чилим.

Окруженные разлитым молоком, не сговариваясь, стрелки говорили шепотом. Их пугала неизвестность, скрытая за белой гатю. Воображение рисовало картины, далекие от умиротворяющих. Казалось, поблизости блуждают мутанты, ослепленные, как они, и слушают, слушают.

Отряд простоял с минуту, прежде чем Фаза махнул рукой и двинулся вперед. Не прошли и тридцати шагов, как со сто-

роны «Сучьего поля» донесся жестяной скрежет. Протяжный, зауспокойный, словно тонущий корабль о камни. Эхо долго разносилось по зоне, резало слух и запускало по спинам мурашки.

Сложив все «за» и «против», Фаза повел отряд в обход поля. Два «знака» более чем достаточно, чтобы поменять планы. В Зоне, как нигде сержант прислушивался к шепоту провидения. Сигналы принимал к сведению на самом высоком уровне. «Просто так, прыщ на жопе не вскочет», говаривал Бурасик иссыхающий на госпитальной койке, однажды изменивший своему правилу «Перебздения».

Нечасто, но бывает, зона по какой-то только ей понятной причине, шевельнет пальцем, уронит фишку. Если не заметишь и скоренько не смекнешь, закончишь плохо. Надо ценить такие подачки и правильно реагировать. Бурасика подбросило на «трамплине», высоко подбросило, и приземлился он крайне неудачно – сломал позвоночник. Казалось бы, простая гравияномалия, которую самый допотопный детектор выявляет в полвольта, а такой исход. Кончилась батарея. Так вот. А до этого на его «велесе» сломался индикатор заряда той самой батареи. Все одно к одному. Зона его предупреждала. Стрелок рассказывал, как за день до выхода ему на голову едва не свалился аккумулятор. Разбился в сантиметрах перед ним. Кислота забрызгала брюки и берца, пришлось срочно снимать и бежать в казарму в трусах.

Оказалось, что в момент, когда он возвращался из «чеп-

ка» на втором этаже «шмонали» кубрики. От аккумулятора, как от запрещенного элемента нарушители избавились самым радикальным способом – выкинули в окно. Даже не глянули, кто внизу.

Разве это не знак? Окажись Фаза на его месте, перед выходом заменил бы все батареи, и запасных прихватил бы с десяток.

У элеватора сержант повернул направо.

– Сержант, – услышал Фаза в наушниках, – планировали как бы через «Сучье».

Фаза с минуту молчал, затем произнес:

– Я поменял маршрут. Идем опушкой.

– Чего так? – не удержался от вопроса Рама.

– Предчувствие у меня плохое, – Фаза помолчал, затем добавил, – там Ящер в аномалию угодил. Фиг знает, сколько еще поразбросало. И туман этот... В общем, направо.

Больше вопросов не нашлось. В общем-то, и так было ясно, раз сержант сменил маршрут, значит, на то есть причины.

Среди шороха травы слышалось тихое ритмичное жужжание «мулла». Машина шагала мягко, беззвучно. Закрепленное на платформе научное оборудование помалкивало как литое. Датчики уравнивали скорость движения с «пастухом», коим являлся профессор, чутко реагировали на изменения в составе и плотности грунта.

Олег Юрьевич единственный в отряде, кто ничего не нес за плечами. Перекинутый через шею тонкий ремень и второй

от пояса удерживали джойстик в удобном для управления положении. Профессор отказался от укороченного легкого ПП-91. Для самообороны оставил лишь «фору».

Через полтора километра туман начал редеть. А когда подошли к "Рыжухе" – речушке со ржавой водой, вовсе истончился в рваные лохмотья. Соединяющая берега поваленная ива, оказалась не проходимой для механического носильщика. Пришлось пилить дерево и укладывать рядом. Для облегчения задачи транспортер разгрузили. Научное оборудование переправили на противоположный берег вручную.

Прикусив от напряжения и сосредоточенности кончик языка, профессор аккуратно работал с джойстиком, бережно вел машину по деревьям со срубленными ветвями. Мулл переставляла свои механические ножки не шире пяти сантиметров зараз. Для устойчивости делала это часто, от чего казалось, что пританцовывает. Малой всячески помогал оператору, забегал то с правого, то с левого бока, ложился на живот, заглядывал под машины.

Звено рассредоточилось по периметру и занималось привычным делом – охраной «перцев». Фаза со сдержанным осуждением смотрел на возню с «мулом»: «Гребаная железяка еще попортит кровь. Зря я тут пошел. Кто ж знал, что она такая инвалидская? Ведро с болтами, скочит, как вошь на сковородке. Чтоб она утопла». Взглянув на научное оборудование, сложенное горой из алюминиевых противоударных кейсов, переменил мнение. Но провидение его уже услыша-

ло. Да уж, как часто бывает, оно слышит не то, что надо.

Подгнившая кора под передней опорой транспортера сошла пластом. Машина задержалась, засуетилась. Страх перекошил лицо профессора. Руки на пульте затряслись, пальцы окостенели. Мул подпрыгнул, повернулся влево, заскользил, бросился вправо, зацепился и, взбрыкивая всеми конечностями, повалился с дерева.

– Держи! – заорал Олег Юрьевич, выпучивая глаза. – Держи его!

Малой бросился к машинке. На втором шаге потерял равновесие, замахал руками, изогнулся, упал на колени. Вцепился в сучок, замер, испуганно уставился вниз на реку.

– Держи! Держи! – все вопил профессор, обмирая со страха.

Мул соскользнул с осины, левой «ногой» встрял в щель между деревьев, благодаря чему и держался. Но нервическая дерготня опор сокращала эту возможность. «Нога» постепенно выskalзывала из зацепления.

Кишлак первым оказался рядом с транспортером. Он схватил его за крепежный крюк и принялся тянуть. Фаза подскочил к профессору, гаркнул в лицо: «Выруби его!». Ученый без понимания таращился в злые глаза, затем до него дошло. Он щелкнул тумблером – машина замерла.

Весь отряд за исключением Кишлака, назначенного Фазой дозорным, и профессора тянули «мула» из капкана. В какой-то момент под ногой Пижона, как немногим раньше

под транспортером, кора отслоилась и поползла. Выгибаясь, взмахивая руками, парень повалился в «Рыжухе». В последнюю секунду Рама поймала его за разгрузку и рывком притянула обратно. Спасенный, таращился на спецназовца и тяжело ипорывисто дышал.

– Живи, – спокойно сказал здоровяк и снова взялся за край платформы.

Не успел Пижон прийти в чувства, как сзади слышался громкий вскрик. Ссэр провалился ногой впросвет между деревьями, по самый уд. Страшно гримасничая, выбрался самостоятельно. Кроме того, что подвернул голеностоп, об острый сучок порвал брюки и до крови расцарапал бедро. Припадая на правую ногу, медик сошел на берег, уселся на землю и принялся расстегивать брючный ремень.

Чертову железяку, все же вытянули. Под стенания профессора переправили через речку, бережно опустили на землю. Обездвиженная машина напоминала безголового, безшеего, чересчур длинного осла.

Отталкивая спецназовцев, ученый кинулся к транспортеру: «Отойдите. Отойдите, – требовал он и отодвигал их руками, – дайте я проверю. Да отойдите же от него!». Олег Юрьевич, как и Малой был без шлема. Лицо, уши его горели лиловым цветом, а сильно прореженные сединой волосы торчали во все стороны. Пальцы на джойстике дрожали как в лихорадке. Чтобы начать процесс оживления, ученому пришлось несколько раз тряхнуть кистями и сделать глубокий

вдох-выдох. Было видно, что машинка для него имеет большое значение.

Фигово, когда руки растут из задницы, – пробубнил Рама, косясь на исследователя.

– Ага, – поддакнул Седой, – а еще хуже, когда голова из того же места.

«Мул» ожил с первой попытки.

– Уф, – с облегчением выдохнул Олег Юрьевич. Его лицо оттаяло, поплыло в улыбке, – а я уже, грешным делом, подумал каюк самоходке.

– Нашего института разработка, – похвастал Малой, обводя взглядом спецназовцев. Никто не отреагировал на реплику. Люди пользовались передышкой, приводили себя в порядок.

Фаза подошел к Кишлаку, который закручивал крышку на фляге, спросил:

– Ты чего там напрягся? – мотнул головой в сторону леса.

– Ничего не напрягся

– Когда осла тащили, на кой к прицелу прикладывался?

– А-а, тогда. Показалось какое-то движение на опушке.

Посмотрел в оптику – только туман.

– Человек, мутант?

– Не было там никого.

– Не было, так не было, – обводя взглядом опушку, Фаза достал сигареты, предложил снайперу.

– Спасибо, не курю, – отказался Кишлак, помолчал и про-

должил, — как-то странно, ни аномалий, ни мутантов.

— Погодь, все будет, замучаешься отплевываться. Как говорится, чем дальше в лес, тем толще дятлы.

— Ага, — встрял в разговор Рама, — и злее партизаны.

Фаза внимательно посмотрел в простодушное лицо здоровяка. Ничего не сказал, направился к медику.

Ссэр уже обработал рану на бедре и теперь брызгал спре-ем на оголенную щиколотку.

— Идти можешь? — спросил его, попыхивая сигареткой сержант.

— А чего не смочь? Смогу, — говорил медик отстраненно, рассматривая голеностоп. — В наше время, еще в СССР на такие мелочи вообще внимания не обращали. В восьмидесятых служил связистом в братском ГДРе. Наша дивизия стояла в Галле. Дорога, по которой бегали на утренней зарядке, была булыжной. А за складами ее частично разобрали. Не знаю, для каких целей камень потребовался, а может, и просто не доделали, в общем, как не пробежка кто-нибудь да подвернет ногу. Раз десять на этой самой дороге я подворачивал голеностоп и ничего, всегда прибывал в казарму своим ходом. Похромаешь немного и норм, — санитар убрал спрей в сумку, принялся тряпицей замысловато обматывать стопу.

— Ты чего, в портянках? — удивился Фаза.

— Портянка сто очков даст вашим чехольчикам.

После того Ссэр взял рядом стоящий короткий сапог с ремешками по бокам, всунул в него ногу. Фаза только сейчас

обратил внимание, что на медике не берца. «Да уж, – в какой раз повздыхал сержант, – компашка что надо». Его взгляд остановился на Пижоне. Тот стоял у реки, левой рукой натягивал брючину, а правом, смоченной в воде, тер ткань на колене, отмывая грязь. «Почему я сразу не застрелился?».

Он тяжело выдохнул, подозвал профессора и его помощника. Самым категоричным тоном предупредил, чтобы впредь шлемы не смели снимать. Это наипугающее нарушение. Он одевается в расположении базы и там же снимается.

Глава 6. Синька

– Я извиняюсь, не помню как вас по имени-отчеству, – негромко поинтересовался Кишлак, поравнявшись с профессором.

– Олег Юрьевич, – с плохо скрываемым пренебрежением проговорил тот, не сбавляя шага, мельком взглянул на снайпера.

– Олег Юрьевич, – продолжал Кишлак доброжелательно, – может, доктор сядет на вашего ходунка? Он ведь за него пострадал. Посмотрите, как хромает дядька?

– Не может, – сухо отрезал ученый и не стал объяснять почему.

– Зашибися, – ехидно усмехнулся Седой.

– Боливар не выдержит двоих, – вставил Рама.

– Тихо всем, – Фаза обернулся, колючим взглядом, как погонщик, ткнул каждого говоруна.

Словесная пикировка прервала его размышления о выборе маршрута. Все время сержант приглядывался к ученикам, отмечал их выносливость, физическую форму, ходкость, моральную составляющую, делал пометки. Схема движения почти была готова, но случай на переправе скомкал и швырнул в урну все выкладки. Фаза предполагал, что транспортер ограничен в маневренности и с этим придется считаться. На крайний случай держал в уме возможность бро-

сидеть машинку, а оборудование перегрузить на плечи отряда. После того как взвесил тяжесть закрытых и опечатанных алюминиевых ящиков, выкинул эту мысль из головы. Лесные, а также овражистые, топкие, аномально насыщенные участки постарался исключить из маршрута. Путь вышел длиннее запланированного в полтора раза.

Он уже смирился с мыслью, что этот рейд – Божья кара за грехи и ему надо пройти этот путь до конца, чтобы стать увереннее, сильнее, чтобы поднять авторитет до непререкаемых высот. «Да, уж. Дорожка на голгофу, – нехорошие мысли продолжали одолевать сержанта. – Чтобы так вот все сложилось по-говенному – постараться надо».

Покорившись судьбе, Фаза почувствовал, что даже начал испытывать от всех этих сложностей и неприятностей какое-то мазохистское удовольствие. Страх и неизбежность одновременно угнетали и бодрили, добавляли болезненную остроту восприятия. Сердце стучало тревожно, что мешало равновесию и в то же время держало на пике формы. Время от времени легкая дрожь прокатывалась по всему телу и взбадривала мысли подобно повару, который большим черпаком мешает приготовленный суп, поднимает со дна густоту, прежде чем разлить по тарелкам. Кроме того, грела мысль о заслуженном почете. Может, статья, Нагибауэр заберет назад «зарадарную пыль». По лагерю быстро расходятся подробности с рейда. Как бы звеньевые ни старались выпячивать боевое братство, взаимовыручку, скрытое

соперничество и ревность к удаче другого никуда не девались. «Все мы люди, все мы человеки. Почет и уважение, уважение и почет – вот что имеет значение. Тугры́ дело второе».

Фаза опаздывал на randevу, о чем сообщил проводнику на ПДА. Отряд вел полем, вдоль темного, угрюмого ельника, на опушке которого все еще стоял плотный туман. Он цеплялся за сучковатые шершавые стволы, за ветви, гнилые пни и овраги. Плавал в остатках ночной прохлады и казался дыханием самого леса, рожденное болотными испарениями, смешанное с ядовитой взвесью «газировки» и «студня».

Сизый налет в белесом мареве Фаза заметил не сразу. А когда, наконец, отделил котлеты от мух, сердце взбрыкнуло и помчалось галопом. Сержант поднял руку, давая знак остановиться. Краем уха отметил, что тихий гул сервоприводов прекратился не сразу. Мысленно матюкнулся, поднял к глазам бинокль. «Так и есть, черт бы ее побрал. «Синька»». Аномалия вытекала из леса, смешивалась с туманом, передним краем низко стелилась по земле, просачивалась сквозь ветки и траву. Он повернул голову влево. Нашел взглядом развалины фермы, прикинул расстояние.

– Синька справа, – сухо проговорил сержант в микрофон, – всем за мной, смотрим по сторонам, – широким шагом двинул к разрушенной далеко в поле постройке. Он торопился. По опыту знал, что меланхоличность и медлительность, аномалии обманчива. Она движется намного шустрее,

чем, кажется. Быстрее бегущего человека. Когда обернулся в очередной раз – клин вырос в холм и доходил дымной вершиной до середины костлявых елей.

Сержант скомандовал:

– Бегом марш. Не отставать. Чилим приглядывай за «перцами».

Фаза взял низкий темп. Разминочная трусца, пока его устраивала. То и дело он оборачивался. Смотрел строй, затем устремлялся к синеющей мари. Аномалия уже не напоминала ленивые испарения с болот. Шла валом, клубилась, словно нагнеталась из гигантских шашек.

– Быстрее, – скомандовал сержант, – выбежал из строя, поравнялся с Седым, – махнул рукой в сторону развалин, – веди туда.

Стрелок кивнул.

Сержант бежал рядом с отрядом и молил Господа Бога, чтобы в суете не вляпались в какую-нибудь хренотень. Умом понимал, что на задворках зоны, аномалии редкие гости, но все же нервничал. «Ящер вляпался и синька вот. Откуда она здесь? Какая-то дичь с зоной творится», – думал он оборачиваясь на иссиня-серые клубы.

После убыстрения темпа, разрыв между Седым, Малым и остальной группой заметно увеличился. Всему виной был транспортер. Он передвигался на пределе технических возможностей, и явно не тянул даже на «третий разряд». Фаза подбежал к профессору:

– Нельзя быстрее?

– Нельзя, – гавкнул Олег Юрьевич, добавил, – какого рожна..., – одышка не позволяла выговорить предложение целиком, – мы пошли здесь? Нельзя... было безопасный... марш-рут про...думать?

Сержант повернул голову и несколько метров бежал рядом с ученым, всматриваясь в его шлем-маску:

– Если не ускоритесь – умрете, – сказал он спокойно и ушел в отрыв.

Ему все же пришлось вернуться, так как два осла отстали безбожно. Первый груженный на механических ножках, второй следом, с джойстиком наперевес.

Фаза подхватил профессора под правую руку и потащил вперед.

– Да... Да, что ты себе позволяешь, – задыхался в гневе исследователь, попытался вырваться.

– Копать-хоронить, – прошипел сержант, крепче, словно тисками сжал хилое предплечье, – либо ты оставишь своего осла, ему все равно ничего не будет, либо останешься сам.

– Ты..., – профессор продолжал вырываться, но сержант не обращал внимания на слабые трепыхания и пёр. Фаза видел фигурки стрелков, которые карабкались на уцелевший кусок крыши. Рама сгибался и разгибался в поясице, поочередно подсаживая людей.

«Вроде бы успеваем, – успокаивался Фаза. – А это откуда?!», – он опешил и едва не споткнулся. Зацепил коч-

ку, засуетился ногами, но быстро восстановил равновесие. С дальней стороны коровника из-за разрушенной стены ему навстречу выбегали плоти. Две крупные, за ними одна чуть меньше и следом мелкий выводок.

Фаза крепче сжал рукоятку калашникова, палец лег на спусковой крючок. Скоро он понял, что мутанты бегут не к нему, а параллельным курсом в сторону леса. «Они что, того? Охренели?». Сержант обернулся. Все было еще хуже. Синька подобралась совсем близко. В каких-то ста метрах он различал сизые скользящие по траве букли.

Сбитый с толку, Фаза продолжал бежать прежним курсом и тянуть профессора. Тот уже не сопротивлялся, но все равно мешал тем, что постоянно хотел обернуться на мула, отчего шаг его делался приставным и заковыристым.

Потревоженные людьми мутанты плотной цепочкой пробежали мимо. Что с ними будет, сержанта не интересовало. Он изо всех сил спешил к коровнику. Когда оказался на месте, поднял профессора и передал в руки Чилиму. Тот лежал животом на крыше, свесившись по грудь, за ноги его удерживал Седой. Грубо, без деликатности спецназовец втянул ученого, затем помог забраться сержанту. Тихая смерть мягко ударилась синими волнами в кирпичные стены, остановилась, растеклась поволокой.

Через пять минут поле вокруг коровника затянуло. Останки совхозных построек, скелеты трактора, самосвала торчали ржавыми островками в перетекающей вяло колышущей-

ся синей дымке.

В мертвой тишине слышалось ритмичное механическое жужжание: бжик – бжик, бжик – бжик. Скоро оно приблизилось и смолкло где-то под стеной.

Люди сидели на крыше, водили взглядами по мареву и поражались. Дальше, на полкилометра на запад, куда уткнулась основная волна, было заметно, как «синька» истончается и меняется в цвете. Не зная природы аномалии, можно было бы наслаждаться уникальной, завораживающей красотой и искать в этом вдохновение.

Но сержант прекрасно знал, как и его стрелки, что под умиротворяющим покровом, в этот самый момент происходят сотни умерщвлений. Газовая смесь заползает в норы, трещины, расселины и пожирает все живое. Почему так тихо? Да, очень просто. С первым же вдохом синька разъедает гортань, трахею, затекает в легкие...

– Синий туман похож на обман, – услышал сержант насмешливый голос, который прозвучал кощунственно в воцарившейся погребальной тишине. Фаза обернулся. Он не заметил, в какой момент профессор снял сферу М-12. Более того, ни в руках исследователя, ни поблизости ее не было видно.

– Чтоб ты сдох, – пробормотал сержант, а громко сказал, – Олег Юрьевич, где ваш шлем?!

Приходилось напрягать голосовые связки. Отряд рассредоточился по крыше, чтобы не создавать в одном месте из-

лишнее напряжение, тем более провалами в шифере, гнилыми досками, треском, конструкция намекала на свою дряхлость.

— Я его куда-то положил, наверное, скатился, — профессор завертел головой, в поисках шлема. — Чуть не задохнулся. У него неполадки с фильтрацией, с каким-то клапаном проблема, наверное.

— Вы... Я предупреждал...

— Да, да, предупреждал, — не спорил ученый, — но я выбрал жизнь, а не ваши правила. И, как видите, — он поднял руки, представляя себя целехонького на всеобщее обозрение, — не прогадал.

«Вот мудак, — думал Кишлак, недобро поглядывая на ученого, — сам чуть не сдох и сержанта не утянул». Когда Фаза схватил прилично отставшего исследователя под руку и поволок, снайпер уже был на крыше коровника и прекрасно видел, как синие струи, словно змеи, стремительно скользили в сухой траве и догоняли. «Если бы не плоть, корчиться им в страшных муках».

Напуганные шумом мутировавшие свиньи с выводком выскочили, словно черти из табакерки и бросились навстречу людям. Кишлак вскинул винторез и уже поймал первую в перекрестье, когда увидел промелькнувших мимо сержанта с профессором. Чилим его остановил, но он и сам уже передумал, во все глаза смотрел, как стайка мутантов бесстрашно погружается в синее облако. Плоти еще некоторое время

бежали темными силуэтами в клубящейся гати, а затем беззвучно попадали, сначала мелкие, потом крупные.

На бегу левой рукой профессор расстегнул подбородочный ремень и сбросил шлем. Он его даже не пытался держать. Откинул в сторону, как что-то мешающееся. Через несколько метров сержант дотащил его до стены и передал Чилиму. Кроме того, Кишлак видел, как ноги Фазы пару секунд еще стояли по щиколотку в сизой паутине, прежде чем его вытянул спецназовец.

«Он только мешал Фазе, – зло думал снайпер. – Минуту потерпеть не мог. Задышался, блин... Все задыхаются, когда бегут в противогазе. Из-за этого барана сержант чуть не погиб. А он, сука, спасибо даже не сказал. Надо будет потом яйцеголовке продемонстрировать, что от плоти осталось».

«Синька» застелила поле вокруг и не собиралась растворяться. Картина была одновременно красивой, величественной, завораживающей и в то же время смертельно пугающей. Если не всматриваться в даль, то могло показаться, что коровник невероятно высок и крыша находится над облаками.

Пижону становилось не по себе, когда он вытягивал шею и заглядывал в дыру. Видел под собой колышущуюся газовую взвесь и трудно сглатывал, представляя, что будет, если шифер не выдержит.

Перекусывать пришлось порознь на безопасном удалении друг от друга. Пользовали личные съестные запасы за исключением профессора и его помощника. Свои вещмешки они

закрепили на самоходке. Раме, как ходячему НЗ, пришлось кидать упаковки с сублиматом и прочей снедью беспечным исследователям.

Олег Юрьевич сделал два шага по направлению раздатчика.

– Стоять! – вскрикнул Рама, упустив начало движения профессора. Все замерли и посмотрели в сторону статуи с протянутой рукой.

– Медленно опуститесь на четвереньки и отползайте на свое место, – отчетливо проговорил сержант.

Отступив, Олег Юрьевич аккуратно сел на волнистое, покрытое мхом, растрескавшееся, потерявшее прочность асбест-цементное изделие. У Малого худо-бедно получилось разогреть рис с курицей. Профессор же после нескольких неудачных попыток установить на склоне крыши горелку в сердцах смахнул ее вместе с едой вниз. В итоге довольствовался холодными консервами, да хлебцами и то одну пачку упустил. Она выскочила из рук и по шиферу соскользнула на землю. На ученого больно было смотреть, все он делал неловко, неумело, ронял, пачкался...

– Пальцами, яйцами в соль не лазать, – нравоучительно проговорил Седой, исключительно аккуратно намазывая печеночный паштет на галету. Малой замер, быстро взглянул на стрелка, затем вынул руку из контейнера, обтер о брюки, после чего пластиковой вилкой подцепил кусок курицы, понес ко рту. Еда сорвалась с трезубца, скользнул по губе, упал

между ног на заскорузлый шифер. Малой быстро схватил треклятую курицу, сунул в рот.

– Хорошо, что на бумажку, – проговорил Малому.

– Ага, – пробубнил Рама с набитым ртом, – причем на стерильную.

– Сам погибай, а товарища выручай.

Сказанные совсем не к месту слова заставили всех посмотреть на сидевшего с сигаретой в зубах медика. Он поел и запалил чадилку:

– Восемьдесят процентов населения земли было вовлечено во Вторую мировую войну. Шестьдесят два государства из семидесяти трех существовавших. А людские потери достигли семидесяти миллионов человек. Почти половина приходилась на СССР. Подвиг солдата на фронте стал обычным делом. Ни одна армия мира не могла похвастать таким массовым самопожертвованием ради спасения остальных, как советская.

– Ты это к чему, док? – перебил Ссэра Чилим. – При чем здесь вторая мировая?

– При том что мы наследники, сыны и внуки тех самых солдат.

– И чего, хочешь сказать, героизм передается генами?

– Это у нас в крови. Слова: «Умираю, но не сдаюсь», писали только солдаты красной армии.

– Брось, док, это было тогда. Сейчас все по-другому.

– А сержант? Он ведь только что едва не погиб, спасая

Олега Юрьевича.

Чилим посмотрел на Фазу, который продолжал жевать паек и, казалось, был безучастным к разговору.

– Это другое, – вновь заговорил Чилим, – мы звено. Мы в связке. От каждого зависит жизнь другого. Потеряй сейчас профессора и смысл, и цель экспедиции полетят к черту. Придется возвращаться, получать втык от Нагибауэра. Никаких премиальных, никаких надбавок. Да и вообще, здесь в зоне у нас нет врагов. Это как выживание в сложных природных условиях. Жертвовать собой ради других здесь никто не собирается. Просто у каждого есть своя задача, и он ее должен выполнить, как бы хреново ни было. Правильно говорю, войны?! – повысил голос Чилим.

– Так, точно! – тут же подхватил Рама. – Мы кулак!

– А кулак бьет больнее, – вразнобой заголосили Седой, Пижон и Кишлак, – когда он крепко сжат!

Услышав эту браваду, профессор мотнул головой и улыбнулся. Вытер рот тылом ладони, взглянул на Фазу. Тот остался серьезным, поглощал пищу и смотрел по сторонам.

Завибрировал ПДА. Сержант отложил консервы, поднес коммуникатор к глазам. Прочитал сообщение, кивнул, громко сказал:

– Так, бойцы, "Растопырка" отменяется, идем на баржу. Товаруга нас не дождался.

– А как скоро рассеется туман? – спросил Малой.

– Это не туман, это синька. Очень токсичная аномалия.

– А что, наши противогазы, – Малой постучал кулаком по шлему, – не смогут ее отфильтровать?

– Смогут, только синька проберется в любую щелку, и тогда тебе кранты. Здесь нужен полностью герметичный «Сева» с замкнутой циркуляцией или хотя бы «Эколог».

Капли ударились о шифер и оставили темные кляксы. Фаза поднял голову, посмотрел в хмурое небо. Признаков дождя не заметил, но кто ее поймет эту Зону. Тут все не так. Физические, химические законы нарушаются за здравости. Прохладная капля разбилась о щеку. Сержант быстро ее вытер:

– Черт знает что с неба льется, советую спрятать открытые участки кожи, – пристегнул бронемаску, заговорил вновь. – Скоро двинем. Синька не переносит сырости, сейчас уберется.

Сизый туман заметно редел, источался, потек под защиту деревьев, волоча за собой шлейф рваного, истрепанного савана.

Кишлак встал во весь рост и смотрел вслед аномалии.

– Там! Во-он там, – он пальцем указывал на останки. Снайпер повернулся к профессору. Тот заострил внимание и тоже поднялся. Он видел торчащие над травой голые ребра, сочащуюся кровью изъеденную плоть, островки шкуры на хребтах и головах.

– Это сделал ваш туман? – спросил Олег Юрьевич, бледнея лицом.

– Так, точно, – подтвердил Рама, вылизывая банку и одновременно вглядываясь в скелеты, – он самый.

– Хорош, сисян, жрать. Сколько можно? – задрался Седой, докуривая сигарету, – ща крышу проломишь.

– Жрать и траха́ться – готов надорваться, – беззлобно отчеканил здоровяк, продолжая работать челюстями.

– Не на то смотрите, – проговорил Фаза, закидывая шмотник за спину, – шлем ищите. Запасного у нас нет.

– А эта синька, там нигде не пристроится? – засомневался профессор.

– Не пристроится. С крыши будете слазить, попробуйте на своего ослика наступить. Прыгать не надо.

– Нет. На него нельзя. И вообще, усвойте раз и навсегда. Все, – ученый взглядом орка обвел присутствующих, – самоходная машина только для транспортировки исследовательской аппаратуры, очень тонкой и хрупкой, к вашему сведению. И дорогой.

– Да вы из-за нее чуть на тот свет ..., – Ссэр закашлялся, выплевывая сигарету, – не отправились, неужели ценнее жизни? – закончил он.

– Может, и так, – профессор метнул в медика взгляд, – А твои сигареты? Ценнее жизни? Чего не бросишь?

– Не твои, а ваши. Я старше вас буду, мистер, ученая голова, годков, так на несколько. Если спецура позволяет, вы им тыкайте. А насчет сигарет, это другое, – хрипел медик, – это часть моей жизни. Пить нельзя – печень, женщин нема,

наукой не одержим, песен не пою, в хореографии не замечен, азартными играми не увлекаюсь, чревоугодничать особо нечем, чем прикажите жизнь украсить?

Профессор хмыкнул и отвернулся.

«Получил по сусалам? – мысленно ликовал Кишлак, – красава, док, остудил голубую кость».

Глава 7. На барже

Фаза подождал еще десять минут. К тому моменту синька скрылась в лесу, но усилился дождь. «Хрен редьки не слаще», – мысленно сплюнул сержант, посмотрел на серое, набухшее небо, напоминающее талый придорожный снег, и полез с крыши.

И без того злая неприветливая Зона, осунулась. Вымокшая продрогшая, с ненавистью взирала из-под набрякших туч на растянувшуюся цепочку наглых приматов, возомнивших о себе невесть что.

Отряд из девяти человек шел полем, параллельно лесу. Напуганный «синькой», Фаза выбрал меньшее из зол – идти по открытой местности, чем оказаться в зоне досягаемости аномалии. Кстати, их становилось больше. Все чаще пищал детектор, заставляя останавливаться, и искать обходы. Все отчетливее сержант различал сущность Зоны. Ее оскал виделся в обглоданных черепах, в гнилых костях, угадывался в ловушках и гиблых местах.

Не смотря на респиратор, Фаза осязал растворенную в воздухе опасность, чувствовал запах смерти. Он дважды давал команду остановиться. Первый – когда заметил в километре севернее букашек, медленно ползущих по выжженной пашне. Хотя в бинокль рассмотрел форму спецназа, движение не начинал, пока коллеги не скрылись за холмом. В сле-

дующий раз его насторожил жуткий треск из чащи и дрожь земли под ногами. Складывалось впечатление, что мчится стадо псевдогигантов. Спустя минуту все прекратилось.

Отряд миновал «Кальмара» – скрученную в спираль и, накренившуюся опору ЛЭП, в центре которой, виднелись сгнившие останки кровососа. Сдавленный металлоконструкцией скелет держался вертикально на подогнутых ногах лапах.

Уже обошли болотце с газировкой, но ни одной мутантской твари так и не повстречали. Эта перемена беспокоила сержанта. «Мало ли что, – успокаивался он, – долговцы постреляли, гон задерживается, прошлый выброс побил, ушли где сытнее».

Немного отлегло, когда у развалин пилорамы на подходе к Машуевке заметил стаю слепых псов. Фаза любил стабильность, даже в привычных неприятностях видел хороший знак. Он погладил правый нагрудный карман с Карлом, после чего прихлопнул его, как бы запечатывая.

В шлеме отросшая борода скребла по уплотнителям и зудела, впрочем, как в прошлый и в позапрошлый, и в позапозапрошлый раз. С того самого рейда, когда он еще молодой спецназовец единственный из звена, кто не провалился в карсты под Янтарем. Фаза забыл побриться перед выходом. Он слышал, что так делают некоторые хоккеисты и, наверное, неспроста.

Сержант не собирался менять обряд ни на миллиметр.

Считал, что он не обязательно должен быть удобным, красивым или символичным, главное, чтобы работал.

А бубновым королем, которого наугад выдернул из колоды, позабытой в боковом кармане шмотника, он разъединил контакты электронной мины, на которую имел неосторожность наступить в развалинах пожарной части целлюлозного комбината. "Карл" стал его пророком. Каждый раз перед выходом Фаза подбрасывал карту над койкой и если та ложилась рубашкой вниз, значило – рейд пройдет успешно.

Совсем стало хорошо, когда из покосившегося сарая с прогнившей крышей на них набросилась стая тушканов. Мелких пакостников расстреляли с удовольствием.

Не сразу после команды «отставить огонь» смолкли автоматы. Сержант негодовал: «Вот, идиоты, в сраных сурков выпустили боекомплект, словно кабанов мочили. Особенно Рама со своим РПК постарался. Избу чуть не развалил, придурак. Надо будет на «переменке» пистон вставить. Хорошо хоть из подствольника никто не шарахнул».

Через полчаса отряд достиг брошенного рыбацкого поселка с полуразрушенной пристанью, с торчащими из воды остовами буксиров, лодок, барков. Длинная ржавая баржа, вытасченная носом на берег кормой, тонула в стоячих водах Припяти. Над рекой туманом стелились ядовитые испарения. Накапывал мелкий дождик.

– Все парни, мы на месте, – проговорил Фаза в микрофон, – Рама, Чилим, Кишлак возьмите периметр. Седой, Пи-

жон дуйте в сарай за лестницей. Профессор, Малой стойте на месте, я с проводником связь налажу.

– Лестницы нет, – доложил Седой спустя несколько минут. Прошлый раз он с Рамой собственноручно прятал ее под гнилые доски.

– Возвращайтесь, – коротко отдал команду Фаза. Он ждал ответа Товаруги, но тот не спешил. Сверху послышался скрежет. Все подняли головы и увидели выезжающую из-за борта, трубчатую лестницу. Омерзительный звук длился и длился, пока она не воткнулась пятками в землю. Над бортом показалась голова в энцефалитке, блеснули стекла очков.

Фаза с облегчением выдохнул: «Вот и славненько», первым полез по мокрым перекладам. Палуба, надстройки блестели от дождя. Сталкер в брезентовой куртке с калашниковым через плечо стоял у противоположного борта и вертел головой, словно кого-то высматривал в опустевших улицах. Промозглый вечер превращал полусгнившие, полуразрушенные дома в коросты на теле зараженной земли. Казавшийся мертвым поселок жил своей неприглядной незаметной жизнью. Разбитое окно вздрагивало ядовитым зеленым цветом, левее под разрушенной крышей время от времени вспыхивала и пробегала по стропилам, по коньку голубая извилистая молния, в подворотнях, в углах, под ступенями, за сараями ворочались тени, взблескивали и пропадали мокрые спины, загорались и гасли глаза. Несколько глоток выли в леске справа, слышался перестук крупнокалиберов.

Фаза опустил бронемаску, в нос ударили неприятный запах. От реки несло, словно от бочки с протухшей рыбой. Гниющие водоросли в огромном количестве выделяли сероводород и метан. Сержант с удовольствием бы вернул герметичность шлему, но надо было, чтобы Товаруга признал его.

– Товаруга, – негромко позвал сержант сталкера, который продолжал всматриваться в брошенный поселок.

Сталкер не отреагировал, стоял спиной к спецназовцу и не шевелился, чем дал повод для волнения. Фаза остановился, потянул автомат к плечу. Сердце в предчувствии опасности заколотилось быстрее, в один миг расслабившийся было спецназовец, напрягся и был готов убивать.

– Здорово, Фаза, – проговорил сталкер тихим сипловатым голосом, словно не хотел, чтобы слышали остальные, – развернулся и протянул руку.

– Ты чего такой настропаленный? – сержант пожал открытую ладонь. Он внимательно вглядывался в обеспокоенное лицо Товаруги и сам заражался волнением.

– Да так, – отмахнулся тот, – показалось. Я смотрю, ты верен приметам – рожа – не бритая кожа. Небось, и королика прихватил, – проводник улыбнулся. Между обветренных губ блеснула фикса.

– А то, – усмехнулся Фаза. – Давно ждешь?

– Нет. Полчаса как. Еще даже ка'стрика не запалил.

– Мы тут «синьку» на крыше пережидали. Как хлынет из

леса, еле ноги унесли.

– Какая-то машинка с вами странная. Ученых ведешь?

– Ага, их самых. К чертовой бабушке намылились.

– Это куда?

– За Чернобыль, блин. И еще дальше.

– На хер что ли? – проводник внимательно посмотрел на сержанта.

– Бери толще и длиннее, – Фаза невесело усмехнулся.

– На «Затон»? – как-то неуверенно спросил проводник.

– За «Топаз».

– Ёп, – вырвалось у сталкера. Он вытянул губы в трубочку, отвернулся. Отправил взгляд бродить по развалинам поселка, задумался. По его физиономии было видно, что такого поворота он не ожидал и был, мягко говоря, ошарашен. Минуту, кумекал что-то там себе, потом повернулся, сказал:

– Я туда не ходил.

– Вот, появился повод сходить. Плачу по двойному тарифу.

– И по пятерному маловато будет, но с тобой, – Товаруга сделал значительную паузу, – я пойду. Ты ведь отказаться не можешь, верно?

– Верно, – обреченно согласился Фаза.

– Да и парней твоих жалко. Смотрю ни Дыбы, ни Ежика нема – отходились?

– Нет, – скривился Фаза, – перевели инструкторами.

– Ладушки, давай спустимся, там покалякаем.

– Годится.

– Твои живчики дровишек прихватили?

– Я не рассчитывал идти к барже, тем более ночевать, – Фаза повернулся к отряду. Стрелки рассредоточились, заняли позиции по периметру. Не у дел остались профессор и его помощник.

– Кишлак, Пижон идите, насобирайте дровишек. Далеко не отходить. А вас господа ученые, – Фаза повысил голос, обращаясь к подопечным, – прошу на капитанский мостик.

– Тормозни бойцов, я уже подобрал, – тихо проговорил проводник, – это я так, чтобы ты наперед думал.

Плывучей походкой Товаруга зашагал к ржавой, облезлой рулевой рубке с выбитыми стеклами, с открытой настежь дверью. Фаза несколько секунд буравил его затылок пристальным взглядом, затем мотнул головой, скомандовал:

– Отставить дрова. Кишлак дуй на левый борт, твой Пижон – правый. Седой с Чилимом поедят, вас сменят.

– А оборудование? – подал голос Олег Юрьевич, – я не могу его там оставить.

– Тогда поднимайте, – безразлично ответил Фаза, развернулся и пошел следом за проводником, мысленно посылая профессора дальше, чем тот мог себе представить.

– Постой, – Олег Юрьевич подбежал, схватил сержанта за рукав, – ты обязан мне помогать, способствовать выполнению моей задачи, беречь...

Фаза выдернул руку, секунду – другую казнил ученого

взглядом, подавляя в себе неимоверное желание высказаться.

– Вам за это платят, – настойчиво, нисколько не уступая градусом, проговорил Олег Юрьевич, – и нечего на меня так смотреть. Твой командир мне обещал всестороннее содействие. Так что, будь добр соответствовать.

– Никуда ваш ослик не денется. Парни присмотрят, – сержант развернулся и переступил через высокий порог рубки.

В помещение было темно и просторно. Пока все занимались пайками, Товаруга снял инцифалитку, из волос вынул веточки. С их помощью развел костер. Дым потянуло в разбитые окна.

Сопящий, шуршащий вещмешками полумрак нарушил негромкий голос Фазы:

– Быстро одел. Еще раз снимешь – вдарю.

Все посмотрели на сержанта, потом на Малого, который держал в руках шлем и таращился на Фазу.

– А чего он без шлема, – младший научный сотрудник кивнул на проводника, – у меня от этой бандуры череп сплюснулся, и шея не выпрямляется.

– Одел, биро, – зашипел сержант, угрожающе поджал губы.

– В нем есть неудобно, – бубнил Малой.

– Полностью отстегни намордник, – подсказал Седой, поправляя на горелке банку. Его бронемаска висела на страховочном шнуре под подбородком.

С неохотой научник погрузил голову в высокотехнологичное снаряжение, неаккуратно резко стал шарить пальцами по краю маски и дергать герметичные зажимы: «А чего раньше не сказали», – продолжал бубнить, морща раздраженную гримасу.

– Кстати, – подал голос профессор, худо-бедно справившись с горелкой и установив сверху алюминиевый контейнер с гуляшом, – мне вот тоже интересно, почему проводник без каски?

Фаза обернулся, посмотрел на, склонившегося над костром Товаругу. Тот явно не собирался отвечать. Стоя босиком на вафельном полотенце, развешивал на проволоке сырые носки. Над огнем, зацепившись мысками за раму, торчали расшнурованными голенищами вниз с вывернутыми языками берца.

Сержант ответил за сталкера:

– Он местный. Невосприимчив к пси-воздействиям. Остальное не так страшно, – помолчал и добавил, – по крайней мере, для него.

Глядя на вязанную черную шапку, профессор сделал губы рыбкой и покачал головой. Тем временем Малой, наконец, справился с маской.

– Bravo, маэстро, – Седой не замедлил откомментировать успехи, – дай пожму твое мужественное горло.

Краснея, младший научный попытался закинуть маску за спину. Короткий шнурок этого сделать не позволял, отчего

картина с каждой попыткой становилась все комичнее.

– Зря я ему про маску сказал, – Седой печально усмехнулся.

– Зря на конце ноздря. Да и та не зря, – продекламировал Чилим. – Остановись, Малой, не то удавишься. Просто опусти ее, либо рукой придерживай, либо на пуговицу прицепи. На груди глянь, такая черненькая, – спецназовец удрученно мотнул головой.

Шлема Товаруга не носил, лишь инцефалитка прикрывала его клоками поседевшую голову. Выгоревшая, с затяжками, с застрявшими в нитях ветками она, словно приросла к его темечку. Товаруга не опасался пси-воздействия. С его слов выходило, что волны как бы чувствует, но эффекта не наблюдает. Фаза сам мечтал заиметь такой дар и хотя бы изредка на привалах или на ночевках снимать с головы осточертевший шлем, который с каждым пройденным километром становился все тяжелее.

Смирjala зависть близорукость проводника. Тот был "очкаром" и без стеклышек перед глазами не трогался с места. Фаза доподлинно знал, что в шмотнике сталкера среди прочего нужного барахла хранится алюминиевый чехол с парой запасных "пенсне".

Вот чего – чего, а ходить по зоне в очках сержант точно не хотел. Черт с этим шлемом, зато своими карими отменно сводился и вдаль, и в близь.

К тому же Товаруга стрелял скверно. Со снайперки мог

что-то дельное сотворить, а так- мазила. Отсидеться, переждать, вернуться, обойти – его тема.

– Вижу движение в поселке, – прервал размышления голос в наушниках, – похоже, слепые псы, – докладывал Кишлак.

Фаза резко встал, взял автомат, направился к распахнутой двери.

– Насчитал четверых. Пришли с окраины.

– Где?

– На три часа дом с закрытыми ставнями, над калиткой рамка такая дугой, гнилой сарай справа. Один пес за домом, остальные по огороду бегают.

– Вижу, – сержант держал у глаз бинокль и смотрел в указанном направлении. Что-то быстрое, как будто двуногое мелькнуло от угла дома за полуразвалившуюся теплицу. Фаза сдвинул бинокль. С минуту изучал увеличенную картинку, но движение не повторилось. «Кто бы это мог быть? – спрашивал себя сержант и отвечал, – кровосос? Нет – мелковат. Скорее всего, какой-то одиночка. Шхерится от всякой тени, может, от тех же слепаков. Только вот куда он делся? Залег и от страха умирает?». Еще некоторое время сержант испытывал удачу терпением, после чего вернулся к четвероногим мутантам.

Шныряющие по дворам псы скоро перестали его интересоваться. поголовье стаи не увеличивалось и они явно не собирались нападать.

– Сержант, – послышался сзади громкий шепот.

Уже зная, кого увидит, Фаза нарочито медленно опустил руки, заостенел лицом, обернулся. В дверях стоял профессор. Подавшись вперед, давил из себя придушенные звуки:

– Оборудование не пострадает? Мутанты не опасны?

Фаза мысленно сплюнул на ученую плешину: «И не отключишь ведь. Все переговоры, гад, слышит».

– Не опасны, – в голос произнес Фаза, поравнявшись с профессором. Мысленно прибавил: «Кому на фиг нужны твои железяки», – зашел в рубку.

Ели молча, слышалось шуршание упаковок, хруст галет на зубах, стук ложек о банки консервов и чавканье.

– Эй, товарищ, – не выдержал бескультурья Товаруга, – попросил бы потише. Всех белок распугаешь.

– Да я это..., – стушевался Рама.

– Взялся за грудь – скажи что-нибудь, Ливерпузен! – осклабился Седой.

– Ты жуй, Седой, жуй, – Чилим тяжеловесно посмотрел на ухмыляющегося блатаря.

В воздухе повисла напряженность.

– Кхе-кхе, – кашлянул Ссэр, – извиняюсь, а галыюн где будет? – посмотрел на сталкера, словно они пришли к нему в гости.

Товаруга рассеянно повел глазами кругом, сказал:

– Можно с палубы, но пока не стемнело, лучше поискать сартир гденить внизу, – подбородком указал на железную

лестницу, уводящую ступенями в резко сгущающуюся трюмную темноту. – В идеале, – продолжил сталкер, – в машинном отделении. Оно частично затоплено – самое то.

Доктор с сомнением посмотрел на темный проем в палубе, затем перевел взгляд на сержанта – тот уверенно поглощал консервы. Ссэр поднялся, включил встроенный в шлем фонарь, шагнул к лестнице. Задержался на пятой ступени, пригнулся, осветил длинный железный коридор: ржавый под уклоном пол, облезлые стены, запертые проклепанные двери, решетки на плоских плафонах. Ссэр ощутил, как поджало мочевой пузырь.

Словно читая его мысли, сзади послышался суровый голос:

– Ты док, главное, не наделай больше, чем запланировал.

Раздались смешки. Не обращая внимания на весельчаков, медик продолжил спуск. Нога ступала не так уверенно, как хотелось бы, тем не менее количество непройденных ступеней уменьшалось.

В какой-то момент узкий коридор показался длиннее баржи. Возникла и задержалась мысль: «Не облегчиться ли прямо здесь – у лестницы. Нет, услышат».

Как не старался Ссэр ступать мягко и бесшумно, старая баржа комментировала каждый его шаг приглушенным «бум». Слышалось в этом звуке мрачное удивление: «Вот это смельчак. Бум. Неужели посмеет пройти дальше? Бум. Посмотрим, посмотрим, насколько кишка не тонка. Бум.».

Луч фонаря уперся в торцевую стену. Слева дверь нараспашку, за ней непроницаемая чернота. Ссэр трудно сглотнул. «Им все равно, где я possu, чего заморачиваться. Сдалось мне это машинное отделение. Он так, от балды брякнул. Сам, небось, коня у штурвала привязывает».

Шаг за шагом медик приближался к распахнутой двери. Как будто он и не хотел уже, а ноги сами несли. Он словно скользил под уклон, скатывался в бездну за дверным проемом. Засела в голове непонятная принципиальность: смогу – не смогу? «Мне это надо? – отговаривал он себя. – Какого рожна?». А ноги все несли.

«Чего здесь такого? – возникла другая сущность, спящая доселе отчаянная и бесшабашная, – просто зайди и пусти фонтан в воду».

"Вдруг там кто-то прячется?», – мысленно проблемал Ссэр и захотел обернуться. Темнота словно руками схватила его за шлем: «Смотреть в глаза. Убереешь свет, и точно кто-нибудь появится. Не оставляй их за спиной. Луч фонаря – твоё спасение. Не дай усомниться в своей твердости, не то, правда, сгинешь».

Ссэр сглотнул по сухому, болезненно сморщился: «Никого там нет. Этот Товаруга прожженный сталкерюга, не стал бы посылать меня на край. Он за нас в ответе. Уже тысячу раз все здесь проверил».

В горле запершило, кашель рвался наружу. Пожилой ме-

дик испугался, что разбудит нечто. Не то нечто, что рождает детское воображение, а реальное нечто, что страшнее и опасней Бармалея во сто, в тысячу раз.

Когда уже не осталось сил сдерживаться, Ссэр зажал рот рукой и, давясь кашлем, перхал в морщинистую ладонь. Выпрыгивающими из орбит глазами затравленно шарил по сторонам. Мир содрогался вместе с впалой грудной клеткой, с прокуренными смоляными легкими, с прыгающим светом фонаря. «Что я..., как ребенок, ей-богу».

Черный проем с округленными углами увеличивался, увеличивался и вот уже занял все пространство. Пахнуло сырым металлом, соляжкой, мазутом.

– Всё. Машинное, – выдохнул Ссэр и остановился. Луч выхватывал из чернильного зеркала стоячей воды изогнутые железные спины дизелей, перемазанные кровью-мазутом ребра силовой установки, кишки – трубы. Застекленные мутные глаза манометров уставились на него в тупом безразличии.

Медик замер на пороге и не находил сил шагнуть через железную переборку. Ноги словно приросли к полу. Сапожные гвозди в каблуках, в подошвах приплавились к ржавому металлу, и через них баржа сосала из него силы вместе с волей и решимостью. Казалось, застоялый сырой воздух, которым он дышит, вытравливает остатки смелости. Задрожали колени, мочевого пузырь раздулся, руки потянулись к гульфику.

Опоздай он на мгновение – случился бы аварийный сброс. Он не испытывал облегчения и блаженства от процесса, как это бывало раньше. Ссэр хотел сделать дело и убраться скорее из жуткого места. Но струя все лилась и лилась, тихо гудела по металлу. Даже удивительно, откуда в нем столько жидкости.

Что-то плеснулось в темноте за силовой установкой. Черная, густая, словно нефть вода, пошла волной. «Господи. Это мертвый моторист!!!»». Сердце подскочило, ударило в ребра Тоби Маэ-Гэри и обрушилось в пятки.

Ссэр развернулся, продолжая изливаться, удерживая кран руками, широко расставляя ноги, коряво побежал прочь. А за спиной плескалось и хлюпало.

Наконец, цистерна опустошилась и медик кинулся со всех ног, позабыв, зачем спускался и зачем пришел к машинному отделению. Он споткнулся о вторую ступень: «Сука» – выдохнул в злобе, повалился вперед, выставя руки. Невнятный смешок, скорее всего, Седого, стал для Ссэра облегчением и спасением одновременно. Он вдруг ощутил себя среди людей. Обернулся – коридор сократился вдвое, стал обычным, а машинное отделение, затопленное жутким мраком, просто помещением без света.

Он отряхнул колени: «Матерь Божья, до чего дожил? Темноты начал бояться», – с досадой подумал Ссэр, посветил на причинное место. На брюках виднелись темные пятнышки от брызг, не так много, чтобы заподозрить в чем-то эда-

ком. По ступеням он поднялся уверенно, с каменным лицом. Спецпура не обратила на него внимания, жевала сублимат и слушала stalkера.

— ...цати километрах от Припяти. Семь деревень эвакуировали, остановились на нашей, — Товаруга говорил глухим голосом. Отблески костерка играли на круглых линзах его очков, желтым красили ржавые стены рубки, делали точеными лица стрелков. Проводник, не моргая, смотрел на пламя.

Ссэр вернулся на свое место.

— Вэвэшники с химиками блокпосты на дорогах выставили — мышь не проскочит. Андрюха охоту любил. Те места, как свои пять знал. Говорил, по фиг ему все эти заслоны, засады. Своими тропами, как шило сквозь вату ходил туда, сюда. Я его предупреждал — подцепишь, говорю, какую-нибудь заразу или радиации хапнешь. Он все отмахивался, дескать, дозиметр у него войсковой имеется и противогаз к тому же годный. Я сейчас понимаю, был он одним из первых stalkеров, кто рискнул по зараженным землям топать. Бывало, уйдет, дня три не показывается, а то и пять. Вернется к себе в избу, запрется, отсыпается сутки, потом умоется, побреется и ко мне жракать идет. После стопки другой отгадет, по его лицу сразу было видно — глаз мутнеет, словно бражка, щеки с губами расплываются в лыбе, и начинает рассказывать, что за кордоном видел. Добра, говорил, брошенного много. Деревни, поселки, заводы, воинские части, техника — все заражено — не подойти. Мечтал брательник о каком-то

спецовом комбезе от излучения. Боялся далеко забредать. Так, по границам шнырял, Припять только через бинокль рассматривал. Как-то приволок трехлапного зайца. Вся деревня пришла смотреть. Участковый приезжал. По зайцу приборчиком каким-то водил, на стрелку смотрел. Потом протокол составил, зайца в мешок кинул и в люльку. Перед тем как уехать Андрюху предупредил, чтобы в те леса не совался больше. Мол, такой дичью сам отравится и деревню загубит. Андрюха некоторое время и не совался. А потом снова приволок. В деревню не понес, меня позвал. В «брусничную балку» привел. Когда ветки убрал я впервые увидел слепого пса, мертвого, правда. Жутко стало, до мурашек. «Что же, – думаю, – за нечисть там бродит, на радиоактивном пепелище?». К чертовой бабушке брательника послал, сказал, что чокнутый он и своей смертью не умрет. Он даже не моргнул, вытащил из-за пазухи тряпицу. Помню, разворачивает ее не спеша, ухмылялся так, будто индейцу бусики собрался впарить. Стянул, наконец, лоскуток, а под ним спиралька странная такая, светится, переливается вся. Красивая до невозможности. Посмотрел я на Андрюху, а он на спиральку эту глаза таращит и вид у него, словно замороженный, загипнотизированный ею. Вижу в них, в глазах его, что душу за нее он уже отдал. Испугался я тогда не так за него, как за себя. Захотелось такую же, подумал, а сколько там еще всякого. Точно помню, как будто личинка, червячок зашевелился, вот прямо в груди, тута, – сталкер положил ладонь

с растопыренными пальцами справа на грудь, потом сжал в кулак, комкая ткань куртки, словно вырвать хотел паразита. При этом глаз от огня не отводил, словно видел ту самую спиральку. – Отговаривал я его, не ходить за кордон, умолял, чувствовал – погибает брат. Он не послушал. Андрюха такой, сам у себя на уме. Однажды он не вернулся. Я к этому готов был. Ружьишко раньше смазал, патриков подкопил, в рюкзаке дыры заштопал, покидал в него кое-какого барахла, у химиков ГП пятый сторговал и пошел его искать. Вот сейчас думаю, а точно я его пошел искать?

Товаруга замолчал, повисла неуютная тишина. Все перестали жевать, даже Рама застыл.

– Нашел? – просипел, чуть ли не шепотом Чилим.

Товаруга пошевелился, осмотрелся осоловелым взглядом, словно отлучался ненадолго, проморгался, затем спросил:

– Чего нашел?

– Брата.

– Брата, нет.

– Сержант, – услышал Фаза в динамиках тревожный голос Кишлака, – там по реке корабль плывет.

– Всем оставаться на местах, – сержант выразительно посмотрел на профессора.

С автоматом наперевес выскользнул из рубки. Снаружи уже было темно, но он сразу увидел, примерно, на середине рекидвигающийся сквозь ядовитый туман тусклый ого-

нек. Встроенные в сферу микрофоны улавливали тарыхтение мотора. Сержант переключился на прибор ночного видения. Что-то наподобие малой рыбацкой лодки с рубкой и подъемником на корме «чухало» по ночной Припяти ничего не опасаясь и не таясь. Такого Фаза раньше видеть не приходилось. Он старался рассмотреть суденышко, а особенно того, кто стоял за штурвалом. Окно рубки светилось тусклым неровным мерцанием, будто от керосинки. Темное пятно за стеклом можно было принять за плечи и голову, но не факт. В опустившейся на зону предночной тишине, умиротворяющее ворчание дизеля разносилось далеко, будто и, правда, припозднившиеся усталые рыбаки возвращаются к родной пристани.

У сержанта сжалось в груди, стоило предугадать ближайшее будущее безумца и его посудыны. Тем не менее лодка тарыхтела и ползла по Припяти черепашьим ходом.

«Если не туман, так мутант или с берега прихлопнут. Он как на ладони. Вояки с вертушки сразу заметят, церемониться не станут...»

– Кто это? – услышал Фаза голос Пижона.

Обернулся, увидел стоящего поблизости стрелка.

– Свалил на место, – рывкнул сержант, вслед добавил, – ты, зелепан, добегаешься, клапан вырву.

Сержант провожал взглядом лодку, пока та совсем не стоичилась в темноте и тумане: «Везунчик, однако», хмыкнул он, после чего вернулся в рубку. Свет от костерка обнял уютom,

показал людей, подарил немного спокойствия:

– Чилим, Рама идите, смените молодых.

Чилим затоптал бычок, вышел первым. Прижимая приклад к плечу, держался середины палубы. Шел бесшумно, смотрел по сторонам и ничего беспокоящего не видел. Он сразу нашел Пижона. Тот стоял на коленях, держался руками за ограждение, заглядывал за борт, его автомат лежал рядом. «Вот же чайник», Чилим мотнул головой.

Незамеченный он подошел к Пижону, положил руку на плечо. Тот сдавленно пискнул, упал грудью на ограждение, схватился за автомат. Тяжелый ботинок придавил калашников вместе с пальцами.

– Ты чего там потерял? – негромко и спокойно спрашивал Чилим, памятуя, что эфир слушает множество ушей. Удостоверившись, что Пижон его узнал и перестал дергаться, медленно убрал ногу.

– Там кто-то стучится, – прошептал Пижон, поднял автомат, встал.

– Где?

– Внизу.

Чилим осторожно приблизился к краю, заглянул за борт. Черная вода, припорошенная туманом, окружала корму.

– Вот. Слышишь? – зашептал Пижон, поднял палец.

Чилим опустился на колени, затем лег, шлемом прижался к холодному металлу: бух-бух, промежутки, снова бух-бух, пауза, бух-бух, бух-бух, как сердце. Стрелок подумал,

что слышит свое, на руках приподнял торс над палубой, при этом продолжал слушать: бух-бух, бух-бух, бух-бух... Посмотрел на Пижона – не он. Тот стоял рядом и внимательно наблюдал за ним. Чилим ощутил, как по спине пробегают нехорошие мурашки. Он быстро поднялся. Создавалось впечатление, что баржа живая и где-то там, в черном ее железном чреве, в трюме, в переборках бьется сердце. Спецназовец представил его размер, выходило, с КАМАЗ. Пижон продолжал смотреть на него и чего-то ждал. Чилим заговорил в микрофон:

– Сержант, здесь какая-то хрень...

– Тихо, – услышал в ответ шепот Фазы.

На другом конце связи все, кто был в рубке, прижимались ухом к ржавому железу, словно непонятная аномалия притянула головы к стенкам и теперь высасывала их мысли и сознание через уши. Все стояли неподвижно и слышали одно и то же: бух-бух, бух-бух, бух-бух.

Ссэр трудно сглотнул, вспомнил чернильную хищную темноту машинного отделения, всплеск, жирную маслянистую волну. Понял, что был на волосок от гибели. От запоздалого страха зазудели, зачесались голени. Док закашлялся, отбросил окурок, прижал кулак к губам.

– Что это? – спросил профессор, перекрывая сухое перханье медика.

– Сам бы хотел знать, – проговорил Фаза, – Товаруга, что это?

– Понятия не имею, – проводник, поспешно натягивая на ногу дымящийся берц, – надо искать другое место для ночевки.

– Может, посмотрим? – предложил Кишлак.

– Ни в этот раз, – сержант повернулся к Малому, – Иди, зови профессора. Куда он там вышел? Сворачиваемся. Пижон, оставайся с Чилимом, Рама тоже будь на месте.

Глава 8. Дом рыбака

Место для ночевки нашли в рыбацком поселке на западной его окраине в одноэтажном кирпичном здании администрации рыбсовхоза «Кильватер» с решетками на окнах, с целой входной дверью. Товаруга знал это место и шел к нему целенаправленно. На его голове поверх энцефалитки появился компактный прибор ночного видения.

Идти по заброшенному поселку ночью это не то же самое, что двигаться по полю. Даже в лесу безопаснее. Бывшие человеческие жилища особенно притягивали разного рода мутантов. Застройка, заросшие огороды, узкие улицы, покосившиеся, полуразрушенные сараи ограничивали в маневре и видимости.

Стая слепых псов набросилась у дома с обвалившейся крышей. Один за другим мутанты выскакивали из зарослей и сразу набрасывались на людей. Они не гавкали, не визжали, лишь злобно рычали. Нападение слепых тварей походило на осмысленную засаду. Пока отряд не приблизился к участку, псы ничем не выдавали своего присутствия.

Малой закричал. Его «Собаки справа!!!» потонуло в грохоте выстрелов. Вспышки со стробоскопической скоростью выхватывали из темноты гнутые спины, узкие морды, быстрые лапы, прижатые уши, шерсть клоками, оскалы, гноящиеся глаза. Эфир затопили крики и команды.

Один, второй грохнули подствольники. Сразу стало очевидным, что большая часть мутантов нацелена на голову отряда, которую составляли сержант и Товаруга. Следующие за ними профессор и помощник, не сговариваясь, запрыгнули на транспортер. Жались друг другу и крутили головами, ударяясь при этом шлемами.

Фаза вертелся, как уж на сковороде. Не было времени перезарядить. Автомат с опустевшим магазином повис за спиной, в ход пошел АПС. Сержант стрелял расчетливо, целил в головы.

Товаруга быстро опустошал магазин и пятился к муллу. Перепрыгивая через трупы, рядом с Фазой возник Седой. Без суеты, без запальчивости жал на спусковой крючок. Одиночными, метко уничтожал измененных собак.

Шквальным огнем из пулемета Рама заткнул бреши в заборе, перемалывая в хлам доски, растения, мутантов, землю. Во время перезарядки его прикрывали Пижон с Кишлаком. Скоро к ним присоединился Чилим и четверка превратилась в неприступный форпост.

Стрелки постепенно смещались к транспортеру, на котором умирали со страха бесполезные яйцеголовые. Прижимаясь задом к железной раме, Ссэр неумело палил из АКМ по снующим в зеленоватом сумраке хищникам. Вряд ли он в кого попал, если только случайно, но звука к общей канонаде добавлял в равной степени.

Под прикрытием Седого Фаза перезарядился и снова

вступил в схватку. Скоро звено перебило мутантов. Никто не ушел, да они и не стремились. Псы до последнего атаковали спецназовцев. Все легли на проселочной дороге между гнилых домов и диких зарослей, словно защищали логово со щенками.

Быстрым взглядом Фаза оценил побоище. Тяжело дыша, сказал в переговорное устройство: «Всем... пересчитаться».

– Седой цел.

– Чилим без повреждений.

– Рама цел.

– Кишлак цел.

– Пижон на месте.

– Твою мать, придурок, доложи по форме, – взревел сержант.

– Пижон цел, – скороговоркой отрапортовал спецназовец.

– Ссэр цел.

– Профессор, Малой, вы как?

– Живы, – подал голос Олег Юрьевич, сползая с самаходки.

– Ага, – подтвердил Малой, – живы.

– Ранения есть?

– Вроде нет, – профессор поднял руки, осмотрел себя.

– Нет, – ответил Малой.

– Кому надо, перезаряжайтесь сейчас, – распорядился сержант, – идем в прежнем порядке. Единственное, Ссэр встаньте за профессором.

Перешагивая через мертвых псов, оскальзываясь на мокрой от крови земле, отряд тронулся в путь.

В какой-то момент в глубине заросшего сада Фаза увидел вспыхнувшие и быстро промелькнувшие два огонька: уцелевший пес, кровосос, зомбьяк, человек, контролер? Последнее, казалось, вполне вероятным. Псионик мог бы спланировать и организовать отчаянную атаку слепаков.

Бегать по ночному поселку и вылавливать мутанта очень рискованное мероприятие, лучше убраться подобра-поздорову.

О своем наблюдении Фаза рассказал остальным уже, будучи в здании рыбсовхоза, когда осмотрели помещения, потрывали с потолочных балок да косяков ядовитое мочало, проверили крепость решеток на окнах и засова на входной двери, когда Рама разломал шкаф с парой стульев, а Товаруга развел из них костер.

– Так что, – заключил сержант, – имейте в виду, кто снимет шлем – пристрелю на месте.

– К чему такая кровожадность? – подал голос Олег Юрьевич.

– К тому, уважаемый, – начал нравоучительно сержант, – попадись любой из нас на крючок к контролеру, то он с радостью перестреляет остальных, причем в спины и неожиданно, а если мутант терпеливый, то заставит и ножичком по горлышку во сне. Каждого. По очереди. Когда придет время стоять на часах. Понятно?

– Что-то невероятное, – фыркнул Олег Юрьевич, – ни о чем таком не слышал.

– Все случается впервые, – начинал свирепеть Фаза. В наушниках как будто что-то скрипнуло, – и на этом закроем тему. Я предупредил, а вы решайте, что для вас важнее: дать отдых шевелюре и открыть чакры или выполнить задачу и вернуться живыми.

Чилим отметил, что о «невредимых» уже речь не идет. Обычно, в прошлые разы сержант всегда эти слова употреблял в паре. «Значит, – размышлял спецназовец, стоя в охране, – Фаза сам не верит в счастливый исход. А его чуйка никогда не подводит. По крайней мере, так было раньше. Надо будет спросить про королика. С самого начала все пошло наперекосяк». И это заметил не он один. У переправы через ручей Чилим перекинулся парой слов с Рамой, тот высказал скверный прогноз насчет рейда. Он не мог вспомнить ни одной ходки, чтобы начиналась так дерьмово. «Как начнется, так и закончится», – махнул рукой амбал и скорбно поджал губы.

Костер разгорался все сильнее, все ярче освещал комнату с крашеными стенами, с дээспэшной мебелью, с разбитым плафоном, с патроном в котором чудом уцелела лампочка. На столе, забранном кумачовой бархатной скатертью с висялками по канту, поблескивал черный дисковый телефон.

В коридоре, напротив кабинета с поеденной плесенью

табличкой «председатель» и с видом на входную дверь замер Чилим. Он переливал недавние события и размышлял: «... а псы эти? Что за на фиг? Как будто нас ждали. Все ломались разом, словно по команде. С каких пор мутатень стала такой организованной? Товаруга должен мне на это ответить. И про баржу спрошу. Что-то не то с этим рейдом». Придавленный мрачным предчувствием, спецназовец покусывал губу и время от времени запускал настороженный взгляд по коридору к двери.

Голодные Кишлак и Пижон выкладывали на кумачовый стол снедь и исходили слюной. Фаза с Товаругой засели за коммуникатор, тыкали пальцами и бубнили о своем. Не при делах с папиросой в зубах Ссэр осматривал место предстоящей ночевки, пока не пересекся взглядом с Чилимом. Спецназовец качнул головой, подзывая медика. Пожилой доктор крикнул, неторопливо поднялся, подошел к стрелку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.